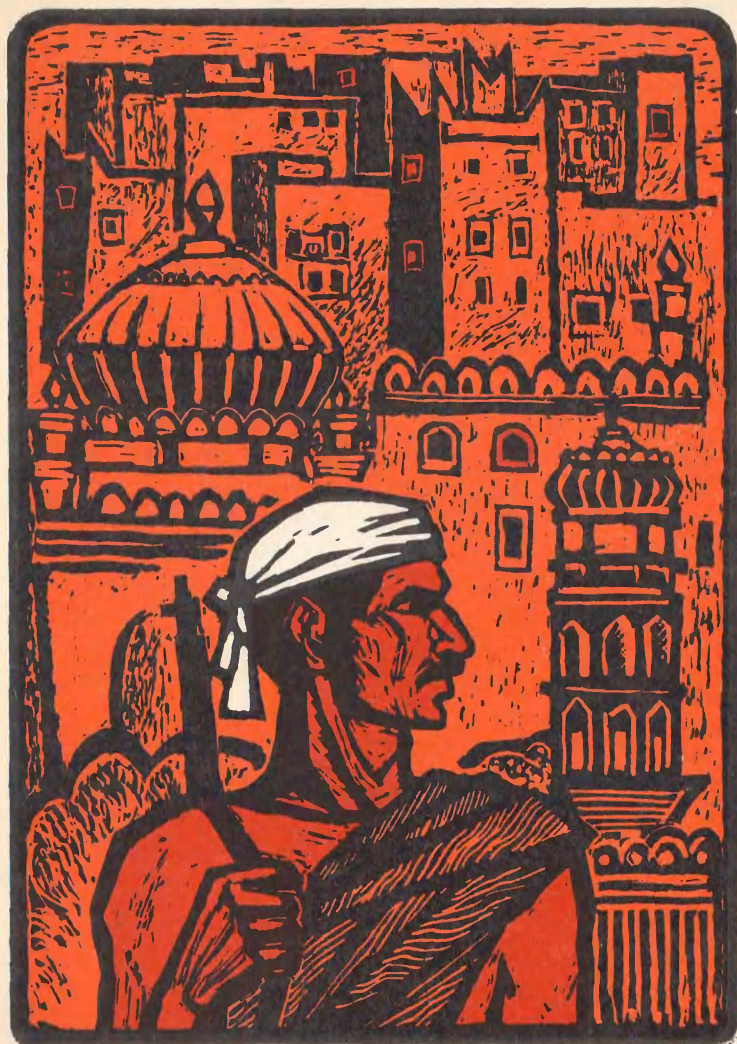
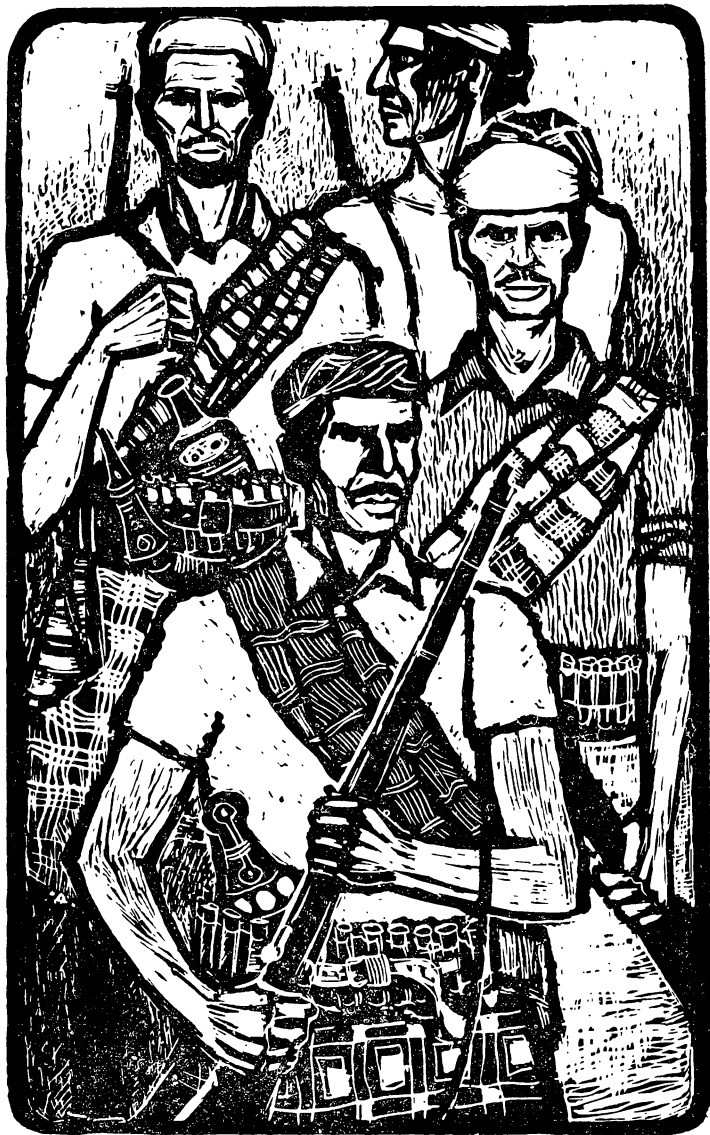

Е.А. ГЛУЩЕНКО ■ Г.А. ЛЕБЕДЕВ

ЮЖНАЯ АРАВИЯ БЕЗ СУЛТАНОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР · ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Е.А.ГЛУЩЕНКО · Г.А.ЛЕБЕДЕВ

**ЮЖНАЯ
АРАВИЯ
БЕЗ СУЛТАНОВ**

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Ответственный редактор
В. Л. БОДЯНСКИЙ

Глуценко Е. А., Лебедев Г. А.

**Г 55 Южная Аравия без султанов. Путевые заметки. М.,
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1971.**

88 с. с илл. («Путешествия по странам Востока»)

Южная Аравия — район, ставший доступным для иностранцев (кроме англичан) лишь после падения британского владычества. В своей брошюре два советских журналиста делятся впечатлениями о пребывании в этой интересной стране, знакомят нас с ее народом и некоторыми особенностями его быта и культуры.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Когда нам предложили поехать на несколько месяцев в Аден, мы растерялись. Видимо, это случилось бы со всяким, даже с привыкшим к путешествиям человеком: слишком уж необычным было предложение.

Еще совсем недавно Аден наряду с «бананово-лимонным» Сингапуром и гогеновским Таити входил в число почти недосыгаемых, а потому полуреальных мест, о которых, тем не менее, часто приходилось слышать и читать. Аден был важной военной базой Великобритании, куда отправлялись служить молодые люди и бывалые усатые джентльмены с Британских островов — точно так же, как почти два столетия подряд они уезжали в Индию. Доступ туда гражданам других государств, и прежде всего государств социалистических, был, естественно, закрыт¹.

Мы выехали вместе с группой советских специалистов рыбного хозяйства как переводчики английского и арабского языков. Три месяца провели мы в постоянных разъездах: группа изучала рыбные запасы, орудия и способы лова, спрос на различного рода рыбные продукты во внутренних районах страны. Переезжать постоянно с места на место по плохим дорогам, спать где придется, часто прямо в пустыне или на берегу океана, по двенадцать часов в сутки жариться

¹ Авторы безусловно правы, упоминая о строгой изоляции Южной Аравии в годы британского господства. Однако отдельным иностранцам все же удавалось побывать в Южной Аравии. К их числу относился, например, известный датский писатель и журналист Йорген Бич — автор книги «За аравийской чадрой» (здесь и далее примечания редактора).

под солнцем с непривычки нелегко, однако мы, как и наши спутники, считаем эту поездку большим везением. Поскольку мы постоянно находились в пути, наши очерки получились, возможно, чересчур «дорожными», но мы надеемся на понимание читателем специфики путешествия.

Готовясь к поездке, мы прежде всего решили собрать сведения о далеком и недавнем прошлом Южного Йемена. Древняя страна постепенно становилась ближе. Книги поведали нам, что еще задолго до нашей эры на этой земле существовало несколько царств — Минейское, Сабейское (или, как было принято некогда говорить, Савское), немного позже — Химьяритское. О высоко развитой по тем временам цивилизации свидетельствуют сохранившиеся до наших дней памятники материальной культуры. О народах, населявших Южную Аравию, об их достижениях в строительстве ирригационных сооружений, дворцов, храмов, об их культуре писали Геродот, Страбон, Птолемей. Так, еще химьяриты, жившие на территории нынешнего Южного Йемена более полутора тысяч лет назад, строили многоэтажные жилища — «небоскребы», служившие и как надежные укрытия от постоянных набегов кочевых племен.

Уже в те далекие времена возникли и развивались широкие торговые и культурные связи аравийских племен с Египтом, Восточной Африкой, Средиземноморьем, странами Персидского залива. Египетские храмы были постоянными покупателями хадрамаутского ладана, в портах Средиземного моря сбывались мирра и другие ароматические вещества. Жители Южной Аравии держали в своих руках всю торговлю этими товарами, производимыми на месте или ввозимыми из Индии и Африки.

Постепенно древние государства стали приходить в упадок. Южный Йемен не раз подвергался нашествиям иноземных захватчиков. На древней аравийской земле последовательно побывали войска эфиопов, персов, турок, португальцев.

В 1839 году к берегам Южной Аравии подошли английские военные корабли. После артиллерийского обстрела прибрежных поселений на берег был высажен десант. Английские колонизаторы оккупировали Аден, в то время небольшое арабское селение, и начали завое-

вания в Южной Аравии. Постепенно вся страна стала британской колонией².

В 1957 году, после вынужденного ухода англичан из Египта, порт Аден приобрел для Англии особое значение как военная база к востоку от Суэца. Вся власть в колонии принадлежала английскому губернатору и его чиновникам. Нити хозяйственной жизни были сосредоточены в руках нескольких иностранных, главным образом британских, компаний. Аден превратился в важный стратегический центр Великобритании на Среднем Востоке. В казармах города были расквартированы тысячи солдат и летчиков. Кроме Адена части и подразделения британской армии стояли в Мукейрасе, Дхале, Бейхане, Лахедже и Куайти. В южноаравийских княжествах, в том числе на островах Сокотра, Перим, Мэйун и Камаран, находились английские аэродромы. Из Адена экспедиционные силы отправлялись в Кувейт на защиту нефтяных интересов Англии в Персидском заливе или в Кению, Танганьiku и Уганду.

После второй мировой войны Аден стал крупной заправочной станцией. В связи с тем, что во время борьбы за национализацию иранской нефти нефтеочистительный завод в Абадане (Иран) долгое время бездействовал, в пригороде Адена Аль-Бурейке в 1954 году был возведен такой же завод производственной мощностью 5 миллионов тонн (впоследствии мощность была увеличена). Этот завод, построенный компанией «Бритиш Петролеум», работает на нефти, доставляемой из стран Персидского залива.

Аден был и остается одним из наиболее крупных и часто посещаемых судами портов мира. В 1958 году он принял шесть тысяч судов, а в 1962 — восемь тысяч. В Адене возникли и выросли судоремонтные мастерские, предприятия по производству металлоизделий и товаров широкого потребления. В мастерских и на фабриках сформировался рабочий класс, ряды которого до 1962 года пополнялись, главным образом, северными йеменцами, эмигрировавшими в Аден в большом числе. В 1965 году при населении 138 тысяч человек в городе

² Англичане разделяли Южную Аравию на три части: колонию Аден (194 кв. км; население в 1960 г. — 150 тыс. человек, Западный и Восточный протектораты Аден (287,5 тыс. кв. км; население — 1 млн. человек).

числилось 60 тысяч рабочих. Немалая часть жителей была занята в торговле³.

За пределами Адена, с его современным портом, асфальтированными улицами, прекрасными зданиями с канализацией, телефонами и телевизорами, лежит обширная пустынная страна, которая долгое время делилась на два протектората — Восточный и Западный. Кроме английского административного деления существовало древнее, традиционное, на эмираты, султанаты, шейхства, которых насчитывалось двадцать пять. Правители традиционных княжеств зависели от английского генерал-губернатора и его политических резидентов, но суд и расправу над своими, зачастую не столь уж многочисленными подданными вершили самостоятельно, в свою пользу собирали налоги.

До самого последнего времени аденские протектораты были экономически развиты слабо. При том, что обработке здесь доступен всего лишь 1% территории, в сельском хозяйстве было занято 90% населения. Жители султанатов и шейхств выращивали пшеницу, кукурузу, просо, кунжут, арбузы, дыни, яблоки, индиго, табак, манго, бананы, финики, кокосы. В долинах горного района Хадрамаут добывали ладан, разводили пчел, производя порою до 90 тысяч килограммов меда в год. Все полевые работы велись исключительно примитивно. Искусственное орошение начали применять совсем недавно, и то на площадях, занятых под хлопком, например на Абьянской равнине, где была организована солидная капиталистическая плантация.

Южноаравийцы издавна занимались и скотоводством. Верблюды, коровы, овцы и козы давали жителям городов и селений мясо и молоко, а также шерсть и кожи, из которых местные кустари изготовляли одежду и обувь. Даже оружие у кочевников было самодельным.

Рабочих в эмиратах и султанатах было мало, они были заняты на хлопковых плантациях и хлопкоочистительных заводах Абьяна и Лахеджа, на небольших предприятиях в Сейуне, Шибаме и Тариме да на строительстве дорог и пристаней.

³ Всего в колонии Адена в 1965 г. проживало 250 тыс. человек, из них арабы составляли около 55%, а индийцы, сомалийцы и европейцы — примерно 45%.

Английские власти мало заботились о развитии экономики протекторатов. Эти районы интересовали их прежде всего в стратегическом отношении, главным для англичан было обслуживание военной базы. Поэтому они были даже заинтересованы в сохранении старых, феодальных порядков, средневекового уклада жизни. Выступления народных масс, восстания феллахов и бедуинских племен против местных угнетателей жестоко подавлялись колониальной армией.

Желая укрепить свое влияние в Адене и аденских протекторатах, британская администрация разработала проект зависимой от Великобритании Федерации Южной Аравии. 11 февраля 1959 года было официально объявлено о ее создании. На первых порах в новое объединение вошло только шесть княжеств. Вне федерации остался, в частности, султанат Лахедж, правитель которого издавна считался лидером эмиров и султанов Юга Аравии.

Противодействие правителей протекторатов формированию федерации объяснялось явным стремлением Англии лишить их всякой самостоятельности: в договоре о создании федерации говорилось, что Великобритания несет всю ответственность за политику нового объединения по отношению как к другим государствам, так и к международным организациям; федерация лишалась права заключать какие бы то ни было международные соглашения и вести переписку с другими государствами без разрешения Англии. Оборона федерации тоже должна была стать монопольной прерогативой Великобритании.

Прилагая серьезные усилия, колониальные власти год за годом расширяли состав федерации (в 1962 году в нее входили 14 княжеств), вызывая тем самым все больший гнев населения. Конгресс профсоюзов Адена писал в одном из своих коммюнике в 1961 году: «Федерация навязывается силой. Английский военно-воздушный флот регулярно осуществляет военные операции против незащищенных сельских жителей, выступающих против федерации».

Народ Южного Йемена никогда не мирился с присутствием иноземных оккупантов на своей земле. То в одном, то в другом месте вспыхивали волнения. Выступая против гнета английских колонизаторов, народ Юж-

ного Йемена одновременно боролся и против деспотизма местных султанов и шейхов.

Среди патриотических политических организаций страны, выступавших против английского колониального господства, наиболее активную и решительную позицию занимал Национальный фронт (в числе его организаторов были нынешний председатель Президентского совета Салем Рубайя и генеральный секретарь Фронта Абдель-Фаттах Исмаил). Эта организация взяла курс на вооруженную борьбу, на народную революцию.

Началом революции считается крупное народное восстание, вспыхнувшее 14 октября 1963 года в горах Радфана. Колониальные власти бросили против восставших стрелковые подразделения, авиацию, танки. Патриотов поддерживали бедуинские племена, крестьяне, беднейшие слои городского населения. Восстание расширялось, охватывая все новые и новые районы. К осени 1967 года бои с английскими войсками велись уже в пригородах Адена. Под напором освободительного движения Англия была вынуждена предоставить этому району независимость. 30 ноября 1967 года последний английский солдат покинул землю Южного Йемена. На Аравийском полуострове родилось новое независимое арабское государство: Народная Республика Южного Йемена (с 30 ноября 1970 года — Народная Демократическая Республика Йемен).

* * *

С новейшей историей Южного Йемена мы знакомимся на месте, она творилась на наших глазах.

Уже первые шаги молодой республики свидетельствовали, что она ориентируется на некапиталистическое развитие. Особенно четкие очертания курс внешней и внутренней политики страны приобрел после переворота 22 июня 1969 года, когда был отстранен от власти бывший президент Кахтан аш-Шааби. Переворот совершился тихо, без уличных боев, без разрушений в городе. К власти пришли очень молодые, энергичные люди, они не могли терпеть своим президентом человека, который различными уловками стремился узурпировать власть, не терпел критики, явно преувеличивал свои заслуги. Пост президента был упразднен — его заменил Прези-

дентский совет. Аденцы приветствовали смену правительства.

В течение последующих дней по аденскому радио и телевидению выступили глава Президентского совета Салем Рубайя, премьер-министр Мухаммад Хейтам и другие члены нового правительства. «Цель движения 22 июня состоит в создании демократической обстановки в стране и обеспечении развития революции, находившейся в тисках личной власти», — заявил в интервью газете «Аль-Гумхурия» член Президентского совета республики Абдель-Фаттах Исмаил. В результате перемен, происшедших 22 июня, было восстановлено значение партии Национальный фронт, которое бывший президент стремился свести на нет.

Новое правительство Южного Йемена (в него вошли люди в возрасте 27—35 лет) взялось за дело сразу и энергично, ибо медлить было нельзя — положение страны было нелегким. Многим районам грозил голод; 92% экономики составляла сфера обслуживания; в связи с закрытием Суэцкого канала торговля резко сократилась; только в одном Адене оказалось до 25 тысяч безработных; бюджетный дефицит составлял 10 миллионов динаров (1 динар = 1 фунту стерлингов), а правительство должно было выплачивать 400 тысяч динаров в месяц государственным служащим и военным. Почти каждый месяц из тех, что правительство находится у власти, ознаменован важными решениями и шагами.

Прежде всего правительство поставило своей целью преодолеть «экономический кризис, защитить местное производство от иностранной конкуренции», помочь тысячам безработных. Вот краткая хроника исключительных важных мероприятий. Июль 1969 года: указ о государственном контроле над частными компаниями с целью помешать их владельцам нанести ущерб общим интересам, например остановить производство или объявить локаут. Запрещается вывоз капитала и движимого имущества многих предприятий. Указ запрещает их владельцам покидать страну до тех пор, пока они не гарантируют выплату задолженности кредиторам и заработной платы рабочим. Сентябрь: сокращены оклады высокооплачиваемых государственных служащих, урезаны правительственные расходы, увеличен подоходный налог, введены новые налоги. Министерство местного

самоуправления опубликовало постановление, запрещающее владельцам квартир и домов повышать арендную плату. Открыта дорога между третьим и четвертым губернаторствами протяженностью 120 километров. На церемонии открытия дороги местные племена, веками враждовавшие между собой, подписали соглашения о мире и сотрудничестве. Октябрь: получены займы и безвозмездная помощь от Советского Союза, Международного банка реконструкции и развития и Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО). Открыты новые школы, созданы медицинские бригады. Ноябрь: национализированы тридцать шесть иностранных фирм, в том числе четыре английских банка. Восемь национализированных банков преобразованы в Государственный банк Южного Йемена. Март 1970 года: правительство выделяет более пяти миллионов динаров для экономического развития республики в 1970—1971 годах. Разрабатывается реформа, которая должна дать толчок кооперативному движению в сельском хозяйстве, созданию коллективных хозяйств. Отныне частные лица будут иметь право владеть не более чем 20 акрами орошаемой и 40 акрами засушливой земли. Июнь: на базе частных авиа- и автобусной компаний созданы две национальные компании. Октябрь: в Адене открыто первое в стране высшее учебное заведение — высший колледж. Декабрь: введены пошлины в размере от 5 до 25% на импортные товары (до этого Аден был портом беспошлинной торговли).

30 ноября 1970 года — в день, когда исполнилось три года с тех пор, как Южный Йемен стал независимым государством, — Народная Республика Южного Йемена была переименована в Народную Демократическую Республику Йемен. В тот же день одобрена конституция, предусматривающая проведение выборов в новые органы власти — народные советы. Вместо прежнего дробного деления на султанаты и княжества вся территория, освобожденная от английского господства, разделена на шесть провинций. Отменены все прежде существовавшие территориальные барьеры и ограничения.

Все последние месяцы заполнены не только трудом, но и вооруженной борьбой. Республике все еще придется сражаться за свое существование, отбивать нападения Саудовской Аравии и отрядов бывших султанов,

Третья годовщина независимости Южного Йемена.
На улицах праздник

бежавших из страны в 1967 году. В январе прошлого года был разоблачен заговор реакционной организации «Братья-мусульмане», действующей на всем Арабском Востоке. Члены этой организации взрывают кинотеатры и отели, так как полагают, что эти заведения разрушают моральные устои общества. Не прошло и двух месяцев после ареста шести членов организации «Братья-мусульмане», как был раскрыт новый антиправительственный заговор⁴.

Народная Демократическая Республика Йемен стре-

⁴ Положение осложнялось внешней угрозой. В 1968—1970 гг. отряды наемников, вооруженные и оснащенные Англией и Саудовской Аравией, несколько раз пытались вторгнуться в Южный Йемен. Последняя попытка вторжения была предпринята в феврале 1971 г.

мится установить хорошие отношения со своими соседями. Спала напряженность на границе между Северным и Южным Йеменом, в Южном Йемене принят закон о равных гражданских правах для жителей обеих стран. Укрепляются дружеские отношения с СССР и другими социалистическими государствами.

Советский Союз признал Народную Демократическую Республику Йемен одним из первых. Между ним и НДРЙ установились отношения дружбы, заключен ряд договоров и соглашений об экономическом и техническом сотрудничестве. Советское правительство оказывает НДРЙ содействие в важнейшем для этой страны вопросе — организации водоснабжения. Советские специалисты уже начали работы по строительству в Южном Йемене ирригационных сооружений. Сюда прибыли советские машины и оборудование для закладки восьми водозаборных плотин, для бурения артезианских скважин и колодцев. Доставлено оборудование для строительства ремонтных мастерских, тракторы и рыболовное снаряжение.

Советское правительство помогает Южному Йемену в освоении рыбных богатств и развитии промыслового рыболовства: в дар южнoйеменскому народу переданы два советских рыболовных сейнера: «Шамсай» и «Фартак», созданы учебный и научный центры рыбного хозяйства, ведутся работы по строительству рыбоконсервного завода и холодильников. Советские специалисты оказывают содействие также в улучшении сельского хозяйства, в организации здравоохранения, авиационного транспорта, работы аденского порта, в подготовке национальных кадров.

«Наш выбор научного социализма был необходим. Он вызван тем, что это единственная идеологически ясная позиция в борьбе против колониализма и империализма», — заявил в интервью газете «Унита» премьер-министр республики М. Хейтам.

Прогрессивные мероприятия правительства республики встречают полную поддержку населения, одобрение прогрессивных сил мира.

В КРАТЕРЕ ВУЛКАНА

В номере гостиницы круглые сутки равномерно гудит кондиционер, и, если не открывать окна и дверь в коридор, все изменения температуры аденского дня пройдут незамеченными. Нам известно лишь, что там, на улице, светит солнце, облака его не закрывают, никаких неожиданностей вроде дождя не предвидится.

Перед нашим окном, почти вплотную, стоит недостроенный дом, загораживая город и свет, и только вороны на карнизе дают нам скудную информацию, и то о погоде. Сначала прилетает одна птица, успокаивается после перелета, получше, поудобнее складывает крылья, топчется на месте и застывает, раскрыв клюв. Внутри клюва чуть дрожит алый язык. Через несколько минут прилетает вторая ворона и тоже прячется в тени. Немного передохнув и остыв, первая вытягивает голову вровень со спиной, незаметно отталкивается и вот уже полетела снова искать пищу. Вторая спешит туда же, чтобы не прозевать добычу, о которой все известно первой.

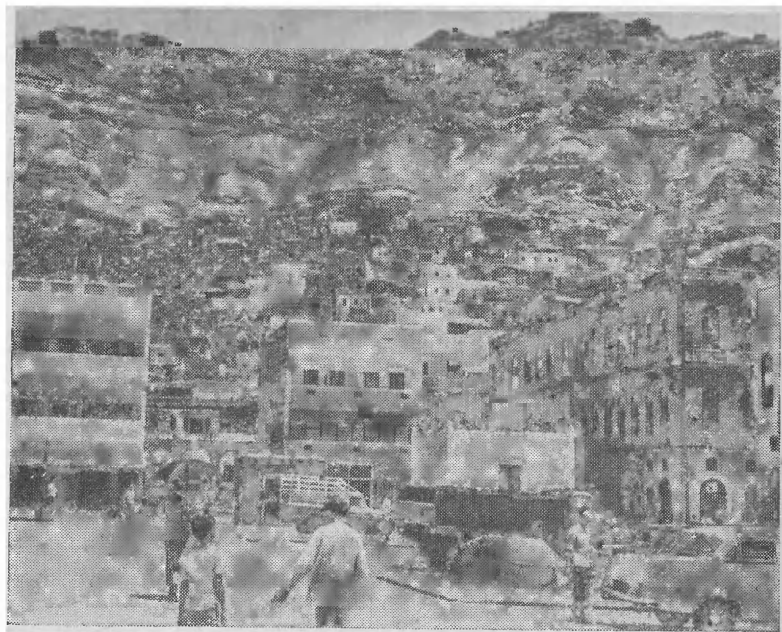
Раз уж вороны не закрывают клювы, можно предположить, какая жара на улице. Так что градусник не очень нужен. В коридоре гостиницы очки запотевают, одежда напоминает о себе.

За десять часов работы солнце выпаривает из воздуха бóльшую часть влаги и ползет вниз, валится набок. К этому времени на улицах начинается оживление: машин больше, худой человек, что спал почти весь день на крыльце на подстилке, теперь сидит и наблюдает жизнь, козы тоже вышли из оцепенения и деловито поедают старые газеты. Эти длинноухие козы — удивительные и таинственные существа. Они питаются бума-

гой, иногда циновками или рубероидом, только издали видят зелень в саду за исправной изгородью, бродят с подвязанным выменем (чтоб козлята не роскошествовали) среди машин, спят на пустырях или на лестницах домов, свесив одну ногу и вымя, и при этом, видимо, дают молоко. Они не требуют от хозяев ничего, и даже водопроводные краны открывают сами. Их не обвинишь в потребительском подходе к жизни.

К пяти часам растут тени, скалы с теневой стороны остывают, и аденцы забираются на каменные уступы, садятся на корточки и так отдыхают в прохладе, поглядывая на дорогу, на машины, на залив. Некоторые залезают высоко и сидят там не двигаясь.

Скал в Адене много. Вернее, сам город в гостях у скал, больше половины его районов устроилось под

Кратер — самый древний район Адена.
Домам здесь уже тесно

ними. Стимер-Пойнт обосновался на берегу океана в том месте, где горы чуть отступили, собственно Аден, или Кратер, весь поместился в кратере вулкана, с внешней его стороны вытянулась Маала, и только Хормаксар и Шейх-Осман свободно расположились на равнине. До Адена мы ни разу не видели города, чьи районы были бы так определенно отграничены один от другого. Такова тут воля скал¹.

Самый старый из районов — Кратер. Он возник бог знает как давно. В самом деле, очень заманчиво иметь прикрытие, да еще какое — пятисотметровые края вулкана, — с трех сторон и лишь неширокий выход к морю. Город поступил как рак-отшельник, делающий своим домом пустую раковину. К тому же в те времена, когда в кратере появилось поселение, потухший вулкан находился на острове. Это потом, через столетия, мелководная полоса заилилась и образовался Аденский полуостров. Затем (около X века) в скалах был пробит туннель, а еще позже — проход. Через проход — его не раз расширяли — идет теперь дорога, соединяющая Кратер с остальными районами. Туннель был когда-то единственным наземным (точнее, подземным) выходом из Адена, он так и назывался — аль-Баб аль-Бур («проход на суше»), в XVIII веке его называли «воротами водоносков», теперь же он известен как «верблюжий туннель» — совсем недавно через него входили в город караваны верблюдов.

Как любой древний город, Аден повидал и пережил всякое. Чаще всего — набеги соседей. В 24 году до нашей эры «Божественный» Август послал сюда свой Десятый легион, ошибочно полагая, что вокруг города добывают золото, мирру и ладан, которые были тогда ценнейшими товарами. Однако легион сгинул где-то в песках Аравии, и Август переключил мысли и энергию на другие дела.

В средние века аденцам не давали покоя португальские пираты, поэтому, когда в 1538 году в аденской бухте

¹ Город Аден делится на три крупных района, расположенных вокруг Аденской бухты: Аден (на восточном полуострове), включающий Кратер, Маалу, Тавахи (или Стимер-Пойнт) и Хормаксар (всего более 100 тыс. жителей); Малый Аден (на западном полуострове; свыше 30 тыс. жителей) и Шейх-Осман с окрестными поселками (на континенте: примерно 10 тыс. жителей).

появился турецкий флот, горожане даже обрадовались, решив, что единоверцы пришли к ним на подмогу. Эмир бин Дауд, управлявший тогда Аденом, с готовностью согласился поставить османским морякам провиант, и сам отправился на корабль адмирала — благодарить и приветствовать. Назад он не вернулся. Единоверцы не

Особняк в Кратере (Аден)

мешкая повесили его на рее, высадились на берег и не на шутку увлеклись грабежом. С тех пор Аден, бывший, пожалуй, главным портом аравийской торговли, стал заметно хиреть.

Турки владели им до 1630 года. Почти за столетие они успели построить по гребню кратера стену и установить огромные бронзовые орудия, которые долго смотрели в море, но англичан в 1839 году не остановили. Английские солдаты стащили пушки с платформ, почистили и отправили в подарок королеве Виктории. Они

стоят у Тауэра по сей день. А вместо развалившейся турецкой стены англичане построили свою и выровняли склоны вулкана, взорвав уступы.

В годы английской оккупации Аден застраивался заново. Это было тем более не трудно, что дома были глинобитными или камышовыми под крышами из пальмовых листьев. К тому же в городке обитало чуть больше тысячи жителей. Многие арабы промышляли рыболовством, снабжали суда направлявшихся в Мекку паломников дровами, водой, рыбой; евреи занимались ремеслами, а индийцы — торговлей.

От давних времен остались в Кратере только минарет погибшей мечети VIII века и резервуары для сбора воды, которым по крайней мере две тысячи лет. В них скапливалась дождевая вода, туда же текли ручьи. Несколько сот лет назад аденский климат был более умеренным, на месте нынешней пустыни росли леса, которые еще застал английский путешественник Генри Солт в 1809 году. Эти леса быстро свели на дрова, да и козы немало способствовали их гибели. Теперь в трех резервуарах, расположенных один над другим, вода еле прикрывает дно. Вокруг разбит парк, тут же построен небольшой музей — главная достопримечательность Адена.

ЗОЛОТО, ЛАДАН, КАЛЬЯНЫ

Здания Кратера, построенные главным образом в прошлом столетии, не привлекают внимания своеобразием архитектуры. По большей части это строения англо-индийского стиля, в два-три этажа, с деревянными ставнями на окнах, беленые снаружи и внутри, иногда с балкончиками. За последние годы в Кратере появились вполне современные здания банков и иностранных компаний со сплошными во весь фасад окнами, превосходными парадными подъездами. И все же это восточный город. Традиционный восточный облик придают ему люди на улицах.

Ни в одном из аденских районов нет такой оживленной уличной жизни, как в Кратере. В те часы, когда солнце становится милосерднее, по тротуарам так же нелегко пройти, как по улице Горького в часы пик.

Жители Кратера предпочитают одеваться в национальные одежды, тем более что они куда удобнее в местном климате, чем европейские брюки и рубашка с галстуком. Арабы носят разноцветные клетчатые йеменские юбки, широкие пояса с карманами на кнопках, белые рубахи, а на голове — чалмы или белые круглые шапочки (те, кто совершил паломничество в Мекку).

Первые этажи — сплошь лавки, поменьше и побольше. Где-то посредине главной торговой улицы возникает тревожащий душу экзотический запах. Он становится сильнее, и, наконец, мы находим его источник. Это маленькая невзрачная лавка; на полках кульки, на полу мешки. Внутри лавки запах особенно сильный. Теплятся на прилавке несколько палочек из ароматических смол, в мешках лежат большие куски ладана — таков товар в этом магазине. Ладан, мирра здесь совсем недороги.

За лавкой благовоний снова один за другим следуют микроскопические универсальные магазины, в которых продают одежду, кое-какую галантерею, игрушки, посуду, часы, открытки и разную другую мелочь. Все эти вещи сделаны либо в Европе, главным образом в Англии, либо в Японии. Кстати, с каждым месяцем японских товаров становится больше. Недорогие, массивные, современной формы и к тому же автоматические часы фирмы «Сейко» явно побеждают очень дорогие респектабельные «Ролекс» и «Омегу». Так же и ткани, не говоря уже об автомобилях «Тойота», транзисторах «Сони» и магнитофонах «Санио». В этих маленьких магазинах видишь воочию, какое мощное экономическое наступление ведет Япония вдали от своих островов.

И опять нечто типично восточное, аравийское — лавка кальянов². Некоторые из них — монументальные сооружения из меди, красного дерева, керамики. На узорных медных кронштейнах, привинченных к деревянному стержню, висят свернутые в кольца красно-синие шланги с мундштуками. В полумраке за минаретами кальянов сидит очень серьезный пожилой продавец, ни слова не говорящий по-английски. С ним нет никакого

² К а л ь я н — восточный курительный прибор, состоящий из сосуда с водой, керамической чашечки для табака (укрепленной на горлышке сосуда) и гибкого кожаного шланга с мундштуком, через который курильщик тянет табачный дым, фильтруемый через воду.

смысла торговаться: его цена «настоящая» и окончательная.

Кальян в значительно большей степени, чем сигарета и трубка, помогает убивать время. Он располагает к долгому сидению на одном месте, к неторопливым раздумьям. К тому же кальян — не только курительный прибор, но и организатор общества. В Южном Йемене часто можно видеть людей, сидящих вокруг кальяна, поджав под себя ноги, — так они проводят часы, передавая друг другу по очереди мундштук и обсуждая всё на свете.

Много раз мы прошли по улицам Кратера, прежде чем заметили денежных менял, скромно устроившихся на полу лавок. Перед менялой небольшой ящик с несколькими отделениями для разных валют, небольшая, вероятно рекламная, пачка денег лежит сверху. В банке кассиры отгорожены от своей клиентуры решеткой, у дверей изнывает от безделья полицейский с тяжелой винтовкой на коленях, а менялы устроились под ногами прохожих и не рассчитывают быть ограбленными. Дело в том, что суммы у них невелики и крупный налетчик на них не позарится, начинающего же вора быстро поймают — тут все знакомы между собой³.

В самом центре Кратера, рядом с людными торговыми улицами, находятся три сравнительно тихие улочки златокузнецов. Как и в средние века, ювелиры держатся вместе, цехом, и только два посторонних магазина вклинились в их золотые ряды. Желтые прилавки начинают сверкать вечером, когда зажигают свет. Здесь почти совсем не говорят по-английски, да и нет в том надобности: товар сделан для местных жителей с учетом их вкусов.

Не побывав в Адене, невозможно вообразить, что в природе существуют подобные украшения из золота. Ну хотя бы нагрудник из золотых звеньев. Или пояс с большой розой, вырезанной из золотого листа. Сам пояс — тоже чистого золота — состоит из нескольких частей, соединенных шарнирами. Кольца на шею, браслеты на руки и на ноги, подвески с разноцветными

³ Менялы сохраняются в Адене и других городах Аравии благодаря тому, что, в отличие от банков, осуществляют обмен валюты на местные деньги, исходя не из официального курса, а по курсу «черного рынка».

стеклами производятся тут же, за прилавком. Шипят горны, мастера постукивают молотками и не обращают внимания на покупателей. И они совершенно правы — покупатели-мужчины мало интересны, а разглядывать покупательниц просто не имеет смысла — они наглухо упакованы в черную материю.

Женщины молча стоят у прилавков, тихим голосом просят показать украшения. И вот когда продавец подает черной фигуре кольцо и она протягивает за ним руку, только тогда мы можем составить какое-то представление о ней. Руки молодые, изящные и без колец — возможно, совсем недавно замужем и только начинает покупать драгоценности. Негромко советуется с такой же замаскированной подругой и робко возвращает кольцо ювелиру.

Можно представить, насколько трудно молодым людям знакомиться и общаться, если девушки ходят с закрытыми лицами, учатся отдельно, только в определенные дни могут купаться в закрытом бассейне, когда граждан другого пола туда не пускают. Браки заключаются по воле родителей, с помощью свах. И все же, несмотря на многие века подавления и отрицания сугубо человеческого чувства — взаимной любви, она осталась жить подпольно. Любящие находят друг друга и общаются порою, как герои детективных повестей. Появляется язык условных знаков: чуть приподнятое над ступней черное покрывало, сетка нового цвета на лице или что-нибудь подобное⁴.

Из золотых рядов хорошо виден крытый рыбный рынок. Утром, еще до рассвета, около гор свежей рыбы начинается аукцион. Посредники, купившие улов у рыбаков на побережье, продают розничным торговцам по одной, по две рыбины, а те распродают их кусками — граммов по двести — триста. В этот час, когда еще многие в городе спят, рынок находится на вершине торговой активности. Горожане, которые приходят за куском макрели после шести, не застают аукциона. Там уже все спокойно; продавцы растащили своих рыб по прилавкам и точными ударами рубят их на порции. От

⁴ Прогрессивная общественность Южного Йемена ведет активную борьбу за эмансипацию женщин. Правительство поддерживает это движение.

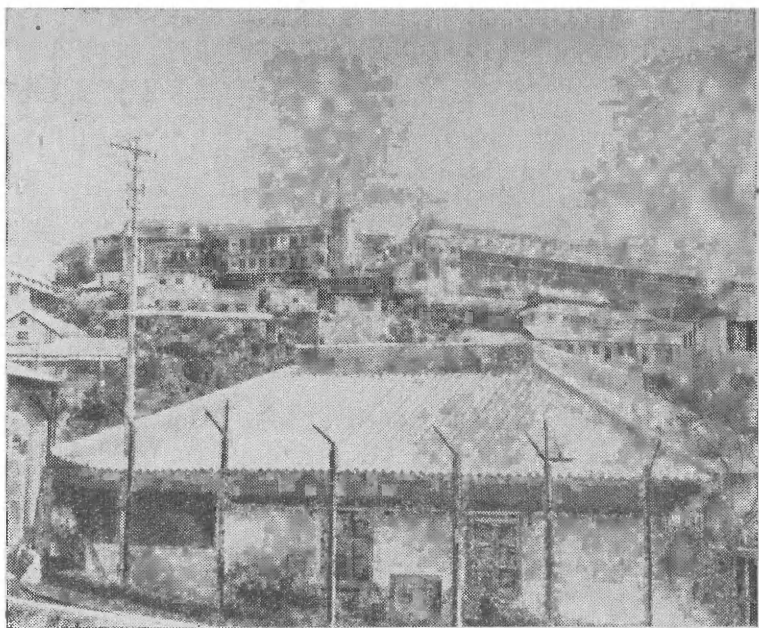
большой блестящей горы осталось несколько сардин и акула-молот, которая никому не понадобилась. Ее морда действительно напоминает молот: расплющена на конце и растянута в стороны двумя крыльями. По краям крыльев возвышаются глаза, которые, ко всему прочему, вращаются, от таких глаз вряд ли скроешься.

В тот день акула долго валялась на рынке, потом ее вытащили во двор: наверное, так никто ее и не взял.

ПОРТ И КАНАЛ

Захватив Кратер, англичане тем не менее жить там не стали. Английские районы Маала, Стимер-Пойнт и Хормаксар возникли рядом, на открытом берегу океана. Новая улица Маалы — теперь самая главная — была застроена совсем недавно домами для младших офицеров. Это многоквартирные пятиэтажные здания одного стиля, но все же разные. И очень хорошо приспособлены к климату: комнаты продуваются, окна в глубине лоджий; внизу между опорами, на которых стоят дома, устроены открытые стоянки для машин. Пока в Адене было относительно спокойно, унтер-офицеры жили в трех-, четырехкомнатных квартирах с семьями и после дежурства в казармах любовались заливом, скалами и кораблями на рейде. Их подчиненные жили на горе в Стимер-Пойнте, совсем недалеко от Маалы.

Аденские казармы строили в начале нашего века. Тогда не было кондиционеров, и поэтому для казарм выбрали самое продуваемое место, над морем. Потолки сделали очень высокими и на длинных стержнях подвесили над койками вентиляторы. Мы бродили по огромным пустым спальням, где остались только эти вентиляторы, умывальники, картинки из журналов на стене и надпись в бывшей столовой: «Пиво на вынос не продается». Больше ничто не напоминает о тех временах, когда здесь громко смеялись, громко топали и ссорились тысячи загорелых здоровых людей. В ноябре 1967 года солдаты, получив приказ, эвакуировались за четыре дня. Пока эти казармы пустуют; и на полу уже образовался заметный слой песка — его каждый год надувают муссоны. Валяются в коридоре растрепанные

Старые английские казармы над Аденом

и разорванные книги из госпитальной библиотеки. И только одно небольшое здание занято жильцами, освоившими его без спроса, но уверенно.

Внизу под казарменной горой расположился собственно Стимер-Пойнт и знаменитый Аденский порт, которым и была жива английская колония Аден. Стимер-Пойнт застраивался зданиями викторианского типа — с большими окнами, с наружными галереями, завешенными от солнца циновками. В то время, т. е. в последние десятилетия прошлого века, все водопроводные и водосточные трубы укреплялись на наружных стенах домов, их красили и красят в черный цвет, и они резко выделяются на светлом фоне здания. Недалеко от порта жил английский губернатор, тут же строили свои помещения компании и банки. За домами компаний, за шеренгой гостиниц спрятались под горою арабские улицы. Но са-

мое главное, из-за чего возник Стимер-Пойнт,— это порт.

До июня 1967 года Аденский порт был одним из самых оживленных портов мира. Гавань постоянно расширяли и углубляли. Каждый месяц в Аден заходило более пятисот судов, они стояли на рейде, дожидаясь очереди подойти к плавучей заправочной станции или встать под разгрузку. Большинство судов заходило все же для бункеровки. По этой причине на другой стороне аденской гавани, в Малом Адене, возник нефтеочистительный завод могучей компании «Бритиш Петролеум». Судам, шедшим из Суэцкого канала, заправиться в Адене горючим было очень удобно, и много времени они не теряли.

Все изменилось с закрытием Суэцкого канала. Суда пошли вокруг Африки, и заходить в Аден им стало не с руки. Заправившись в Кейптауне, они теперь идут по прямой к местам назначения, так что в Аденском порту кораблей бывает раз в пять меньше: по большей части те, что постоянно курсируют вдоль азиатского или восточноафриканского побережья. Практически исчезли туристы, стала глохнуть беспошлинная торговля, которой тоже славился Аден. Торговцы Стимер-Пойнта целыми днями с тоскою смотрят в сторону моря, но туристов нет как нет. Одиноких покупателей упорно зазывают в лавки, трясут перед ними довольно запыленными товарами, с наслаждением торгуются. Кстати, настоящий торговец в Стимер-Пойнте быстро скучнеет и теряет к покупателю интерес, если тот покупает вещь по первой предложенной цене. Нужно торговаться, снижать цену, продавец будет саркастически улыбаться и сокрушенно качать головой по поводу недооценки его товара, укажет на неведомые качества, растянет какую-нибудь кофту до предела, показывая, что вы можете толстеть в ней сколько угодно, рванет за рукав, демонстрируя прочность, и в конце концов все же уступит немного. Это искусство, это смысл жизни. И названия магазинов тоже рассчитаны на туристов и моряков: Кенийский магазин, Красноморский, Трафальгар-сквер (написано по-английски) или Тихий Дон, Невский магазин, Одесский толчок — это уже буквами, напоминающими русские.

Иногда сюда все же забредают моряки, которых отпустили на берег всего на час или два. Поэтому они

должны как можно скорее найти нужный товар и купить его по самой низкой цене. Торговцам это отлично известно. Они мгновенно определяют национальность матросов, и уже с обоих концов улицы раздаются голоса искusstителей: «Федя, иди сюда!», «Миша, заходи», «Куртка надо? Что надо?». В эти минуты продавцы находятся в предстартовом состоянии, готовы лазать по полкам, открывать коробки, примеривать вещи на клиента и всячески убеждать его. Матросы проскакивают по улице и исчезают в темноте, и постепенно успокаиваются взбудораженные торговцы. Они еще некоторое время возбужденно перекликаются и затихают. Возможно, они указывают друг другу на ошибки или вскрывают недостатки, борются за культуру обслуживания. Но без Суэца эта коммерция — все равно лишь тень прошлого.

ДВЕ ДЕМОНСТРАЦИИ

Стимер-Пойнт и после ухода англичан остался, не в пример Кратеру, районом тихим и сравнительно малоллюдным. Машин на улицах немного, отчего пешеходы беззаботны и небдительны. Крики доносятся с улицы только вечером, когда сверкающие потом футболисты играют перед отелем; поэтому шум и грохот среди дня 20 июня 1969 года были для нас неожиданностью. По направлению к Кратеру небыстро ехали машины, в кузовах которых, держась друг за друга, стояли молодые люди и усердно выкрикивали лозунги. В тот день исполнилось два года с момента восстания в Кратере — с тех пор стоит на холме разрушенная церковь, в которой до июня 1967 года обычно заседало Законодательное собрание Федерации Южной Аравии. Взрывом сорвало крышу, вынесло наружу окна и двери, остались только стены. Восставшие подразделения южноаравийской армии и присоединившаяся к ним полиция до 4 июля не пускали в Кратер англичан. Тогда же прошла всеобщая забастовка и пятьсот заключенных, переполнявших маленькую тюрьму, были выпущены на волю. По улицам, бросая вызов зною, совсем недавно подобно полицейскому властно загонявшему людей в дома, бегали мальчишки и кричали о победе. Сэр Хемфри

Тревельян, верховный комиссар, раздумывал и колебался. 27 июня он окончательно решил не вводить в Кратер английские войска, твердо объявил о своем решении... и ввел их 4 июля. Солнце беспрепятственно стало выполнять свои полицейские функции до семи часов вечера, а затем ему на смену заступали английские солдаты.

Колебания сэра Хемфри в сущности нетрудно понять: за сутки до армейского мятежа стало известно, что Англия покинет этот район 9 января следующего года. Британия фактически простилась с Аденом, так стоило ли затевать сражение?

Перестрелки случались в Адене вплоть до получения страной независимости, что произошло 30 ноября 1967 года. Английские солдаты установили на крышах более или менее высоких зданий во всех районах города пулеметы и дежурили около них круглосуточно. Молодые «джонни» (так арабы называли всех англичан, которые в свою очередь, обращаясь к местным жителям, звали их «абдулами») лежали на раскаленных бетонных крышах, широко раскинув красные обгоревшие ноги в шортах, и напряженно следили за улицей. Иногда какое-то движение внизу казалось им подозрительным, и тогда они открывали огонь; во все стороны рикошетом от стен и мостовой с визгом летели пули.

Летом и осенью того года жизнь любого аденца могла оборваться самым неожиданным образом — пуля могла влететь в окно его комнаты, на базаре он мог попасть в облаву и под обстрел из автоматов. В августе начались столкновения между членами и приверженцами существовавшей в то время партии Фронт освобождения (ФЛОСИ) и Национальным фронтом. Сражения порою начинались с пустяка: кто-то писал на стене краской большими буквами «Только ФЛОСИ!», что вызывало громкое возмущение сторонников соперничающей организации. В мгновение ока тихая улочка с ленивыми козами и собаками становилась смертельно опасным местом. Торговцы, поджидавшие покупателей около лавок, разносчики товаров с тюками на головах, дети, оказавшись в центре перестрелки, кидались врассыпную, прятались под прилавками, в подъездах. После недолгого боя на мостовой на битом стекле рядом с простреленными консервными банками лежали убитые люди и козы. Памятью о тех тревожных месяцах оста-

лись надписи на стенах, часто перечеркнутые, и спирали колючей проволоки, уложенные англичанами у подножия скалы, на которой стояли их казармы.

Через три дня после первой демонстрации, 22 июня 1969 года, по улице перед нашей гостиницей, заезжая в боковые переулки и непрерывно гудя, снова проехали грузовики с кричащими людьми. Одинаково черноволосые, многие с усами, в белых и разноцветных рубашках, юноши скандировали какие-то слова, показывая массу белых зубов. Один из тех, кому не нашлось места в кузове, висел снаружи на борту на одной ноге, кричал вместе с друзьями и одновременно пытался удержать соскальзывающий со свободной ноги большой разношенный ботинок. Его лицо было таким же ликующим, как и у остальных.

Причину этой демонстрации мы поняли сразу — накануне по радио сообщили о переменах в правительстве и отставке президента Кахтана аш-Шааби. Обязанности главы государства стал исполнять Президентский совет.

Эти события внешне почти не изменили городскую жизнь. Пожалуй, только на главных дорогах появились дополнительные контрольные пропускные пункты. У ближайшего к нашему дому КПП рядом с двумя помятыми бочками из-под бензина стоял очень молодой хрупкий солдат в выгоревшей, великоватой для него форме, но туго перепоясанный, и добросовестно заглядывал в каждую остановленную машину. Время от времени из переулка выходили патрульные — двое солдат и еще два или три человека из партийной милиции в защитного цвета одежде, но без погон и кокард, в зеленых чалмах, с винтовками. После этих событий постепенно стали исчезать со стен магазинов напечатанные яркими красками портреты бывшего президента, который, казалось, намеренно сделал серьезное лицо, чтобы скрыть мысль о чем-то ему хорошо известном.

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ПЕРИМ

Отъезд в пустыню был назначен на восемь утра. К этому времени группа отъезжавших собралась в вестибюле аденской гостиницы «Амбасадор». Вид был уже дорожный: широкополые простые шляпы, грубые брюки, раздувшися портфели. Мы дожидались машин—выглядывали на улицу и снова садились под вентилятор, который поворачивался в обе стороны, никого не забывая. Аниса, миловидная девушка-портье, с интересом наблюдала за нами из-за своего прилавка, поглядывая то на одного, то на другого, как будто участвуя в разговоре, и не переставала жевать мятную резинку.

Оба «лендровера» — вездеходы вроде нашего «козла» — подъехали минут через пятнадцать. В кузовах лежали походные кровати, одеяла, провизия на несколько дней и даже бачок-термос с холодной водой, оказавшийся впоследствии самым популярным предметом экипировки. Среди приехавших был повар, маленький человек с лукавым лицом, в синих, севших после стирки штанах, с маленькими руками и ногами. Несколько лет назад его отправили вместе с командой принимать судно в Англии, на обратном пути он обошел всю Европу, побывал во Франции, Испании, Португалии, Италии, всюду, не зная никакого языка кроме родного, покупал продукты и один, без сменщика, целыми днями готовил еду. Это путешествие осталось лучшим впечатлением его жизни, и он не раз за четыре дня пути пытался нам рассказать о себе, оперируя несколькими английскими словами. В дороге он молча сидел среди коробок с консервами, держась за что-то одной рукой, а другой умиряя купленную в селении курицу, и вдруг начинал

петь. На стоянках повар сразу же исчезал, потом мы его видели торопливо несущим большую кастрюлю супа. Вскоре он стал самым популярным членом экипажа.

Час езды по шоссе был приятным и неустойчивым. Воздух, еще прохладный, туго бил в лицо, часто меняя запах. На дамбе возле Хормаксара он принес запах водорослей и акульего жира, которым пропитывают на местной верфи рыбацкие суда-сомбуки, в Шейх-Османие запахло пылью и базаром, в Малом Адене — газом. Мы проехали мимо огромных серебристых баков нефтеочистительного завода с зелеными буквами «BP» («Бритиш Петролеум») на стенках, мимо бледного при солнце факела, который хорошо и далеко виден ночью, мимо старого солдатского кладбища и большого белого креста на груде камней, миновали гору, на которую два года назад некий уезжавший из Адена англичанин затащил вертолетом свой автомобиль и затем продавал его за шиллинг, и очутились на берегу океана. Шоссе кончилось, предстояло ехать по пустыне¹.

Первые километры машины довольно бойко шли по утрамбованной волнами полосе отлива. Под боком умиротворенно шелестел, сверкая вдали бликами, океан, зеленые крабы со всех ног неслись к воде, бросая на суше дома и имущество. Скоро песок стал рыхлым. Водитель нервно включал вторую ведущую пару колес, переключал скорости, но автомобиль все равно буксовал и не мог двинуться с места. В конце концов мотор упрямо заглох и Абдалла, до того с надеждой давивший на стартер, трагическим голосом что-то воскликнул (должно быть: «Все кончено!») и в отчаянье вполне театрально опустил руки. Мы же, пассажиры, отнеслись к случившемуся спокойно — русские дороги давно научили нас хладнокровию в таких случаях. Все вышли, уперлись руками в кузов, и машина, хоть и медленно, выбралась из глубокого песка.

Вторая машина ушла вперед и остановилась на холме. Ее водитель Салех, увидав издалека наше затруднение, уже бежал на помощь. С разбега он прыгнул и сел на переднее крыло, энергичными жестами, громко

¹ Имеется в виду Тихама — береговая равнина (максимальная ширина 50 км), отделяющая побережье от гористого плато южной части Аравийского полуострова.

крича, стал указывать направление к дороге. Он соскакивал на песок, подталкивал автомобиль, вытирал рукавом пот и снова прыгал на крыло. Убедившись, что дальше Абдалла сможет справиться сам, Салех дал ему напоследок очень решительные указания — громко, резко взмахивая руками, повторил наставления еще раз и, недоверчиво взглянув на него, побежал к своей машине. Абдалла уже успокоился и, высунувшись в окно, с неудовольствием что-то крикнул ему вслед. Тот не обернулся.

За большим рыбацким поселком Имраном дорога отходит от берега километров на пять-шесть. Строго говоря, дороги нет: вместо нее несколько параллельных следов от колес. Временами машина идет по пустыне как по асфальту, потом начинаются гофрированные пески, вади — сухие русла весенних потоков, бугры, ямы. Водителю приходится быстрыми короткими движениями крутить руль, мельком взглядывать по сторонам и часто притормаживать, чтобы не слишком мучить автомобиль и пассажиров.

Солнце поднялось высоко, ветер раскалился, стенки и дверцы машины тоже.

Справа сквозь марево темнели горы, из-под песка пробивалась клочками зеленая жизнь, привыкшая только к тяготам. Кочки, поросшие бурой травой, походили на горбы засыпанных песком верблюдов, — будто огромное стадо улеглось однажды на ночлег, а утром после бури остались видны только горбы. Так и в самом деле здесь бывает.

Между руслами ручьев росли насквозь пропыленные кусты и небольшие подагрические деревья, терпеливо дожидавшиеся новой весны и новых потоков. Около кустов стояли живые верблюды и неторопливо, самоуверенно, растягивая удовольствие, обрывали один за другим серые листья.

Завидев верблюдов, водитель загудел, но только один обратил на сигнал внимание. С деланным испугом он скакнул раза три, высоко подбрасывая задние ноги, и, считая, что этого с нас вполне достаточно, снова взялся за куст, бесстрастный и недоступный, даже не взглянув в нашу сторону.

За четыре часа пути лишь две машины попались нам навстречу. Одна, такой же, как и наш, «лендровер», без

верха, с красными и желтыми цветами на синих боках, была полна стоявших в ней людей. Они держались за стойки, на которые натягивается брезентовый верх, их немилосердно трясло и качало, но, поравнявшись с нами, они развеселились, стали кричать и махать руками, показывая, что, в общем, им эта дорога нипочем, хотя пришлось простоять уже не меньше часа, а, может, и больше.

ПРИВАЛ В ХУРУМЕЙРЕ

Привал и обед решено было устроить в прибрежном поселке Хурумейре на полпути к конечной цели экспедиции — острову Перим. Наше появление все жители поселка восприняли как большое событие. Мы еще выходили из машины, а вокруг уже стояло несколько рядов зрителей, главным образом женщин и детей; мужчины держались поодаль. Дети смотрели сосредоточенно, женщины, ни одной с закрытым лицом, держа по младенцу на бедре, обсуждали наш вид и коротко хихикали. На головах у них были большие черные тюрбаны, от которых сбоку свисали до плеч куски материи. Впервые за два месяца мы увидели на людях те удивительные золотые украшения — толстые браслеты на руках и ногах, шейные кольца и подвески, — которые в изобилии лежат на прилавках Адена. Ничуть не стесняясь, женщины заглядывали к нам в машины, весело смеялись, и на их татуированных лицах двигались черные полоски и крестики; между черными губами белели зубы.

Потом мы сидели на красных подушках на террасе общественного дома — нечто вроде местного клуба (комната с фанерными стенами и терраса); экономисты и промысловики пытались выяснить — какие в поселке уловы, мужчины вразнобой называли цифры; дети плотной стеной обступили терраску и упоенно глядели на нас, оттирая маленьких, а те зло плакали, требуя права на зрелище.

Самая старая и смелая из женщин, обильно раскрашенная и татуированная, села на пол напротив нашей сотрудницы Светланы, старательно записывавшей самые противоречивые сведения, и, не отрываясь, с востор-

Поэт пустыни читает свои стихи

гом разглядывала ее лицо. Рыбаки тоже сидели на голом полу, поджав темные с белым налетом соли ноги, их лица были спокойны и доверчивы. Только один, лучше одетый, опоясанный патронташем и с винтовкой, видимо не рыбак, сел на перила и смотрел на собрание с саркастической улыбкой, как человек посторонний, но знающий что к чему. В его неожиданно серых глазах было заметно то презрение к людям, к их жизни и даже освобождение от обязательных для остальных моральных запретов, которое не предвещает добра.

Когда в беседе наступил кризис и наши специалисты стали уже спорить друг с другом, желая установить истину, мы протиснулись сквозь детский заслон и пошли бродить по поселку. Все строения оказались сделанными из старых ящиков и поэтому сами походили на большие ящики, почти без окон, иногда двухэтажные, с балконами, завешанными тряпками или циновками. Не было ни улиц, ни палисадников, а лишь несколько тропинок. Цветом дома мало отличались от пустынной земли, засыпанной щебнем и маленькими ржавыми банками. Среди банок, разбрасывая их копытами и опустив морды к земле, брели два осла и подбирали что-то им одним ведомое и, должно быть, съедобное.

Дома и воздух давно пропахли гниющей рыбой, и никакой самый сильный ветер уже не мог унести этот смрад.

На берегу сушились сети, лежали панцири огромных морских черепах, а живые зеленые черепахи, уже обреченные, плавали и ныряли в нескольких метрах от поселка — каждая была привязана за ногу длинной веревкой. Это самый простой и эффективный способ сохранить мясо в ожидании покупателей, когда нет холодильников. Однажды среди жаркого дня в поселок приедет обшарпанная машина и заберет черепашье мясо, рыбаки получат хорошую плату, больше чем за рыбу, а панцири останутся на берегу, как кузова старых автомобилей, с которых сняли колеса.

У самой воды под ногами валялся хлам, ненужный ни людям, ни океану. Океан выбросил к двери хибарки черного дохлого козленка, мальчишка взял весло с круглой лопастью, отбросил тушу в воду и ушел. Океан недолго повозился с козленком и снова вернул его поселку.

Совещание на терраске, в конце концов, закончилось, и, как только принесли обед, зрители тут же исчезли, чтобы мы не подумали, если они останутся, будто они голодны. Они снова появились возле нас, когда мы стали укладывать вещи и посуду, готовясь к отъезду. Старуха, не сводившая со Светланы глаз, взяла ее за руку и повела в свой дом, что-то рассказывая на ходу, смеясь над своим рассказом, поблескивая золотыми зубами. Она считала свой дом лучшим в Хурумейре: у нее было несколько комнат, любимые стол и шкаф, и даже душ — такого больше ни у кого не было. Хозяйка завела Светлану в чуланчик с душем и стала упрашивать вымыться, громко повторяя одни и те же слова, как и многие наивные люди, полагая, что иностранец — это просто глухой человек. В таких случаях иностранец невольно поддерживает эту версию: когда ему надоедает повторение непонятных звуков, он начинает согласно кивать головой, чтобы быстрее отвязаться от назойливого собеседника, а тот думает, что его поняли. Светлана в самом деле все поняла, но из застенчивости отказалась от душа. Старуха все равно была счастлива. Она вывела из-за занавески отчаянно смутившихся девочек-подростков, они нервно улыбались, отворачивались, готовые заплакать, старуха их в чем-то убеждала, и вдруг, уступив требованию бабки, преодолев мучительную робость, они рванулись к гостье и поцеловали ее — одна в руку, другая в плечо, чем привели в состояние, близкое к панике. Хозяйка хотела, чтобы странная ученая женщина почувствовала, что ее тут уважают, поэтому она так настойчиво требовала от внучек этого традиционного йеменского приветствия.

Мальчишки и женщины уже привыкли к нам, и взгляды их теперь не были неутоленно любопытными, как еще три часа назад. Дети порою даже забывали, что следует нас разглядывать, и затевали возню между собою или со своими одинаково тощими и рыжими псами.

Среди женщин стояла, подбоченясь и независимо улыбаясь, главная красавица Хурумейра. Ей было лет 25—27. Ни татуировки, ни желтой краски, которой жительницы пустыни покрывают лицо, чтобы оно было светлее, и губы некрашенные. Никаких украшений, и только ей одной разрешенная вольность — блузка из

черной прозрачной материи, под которой достаточно ясно была видна полная грудь. С ее появлением повар и Салех оживились. Держа в руках кастрюли и тарелки, забыв, что их надо засунуть в коробку, они стали наперегонки острить, провоцируя ее, очевидно, весьма фривольные ответы. Общество было в высшей степени довольно. Первая женщина Хурумейра чувствовала себя на эстраде, и успех делал ее еще более находчивой, остроумной, независимой. Сама она не смеялась, только улыбалась и, наконец, после самого своего удачного ответа, завершив им выступление, повернулась и пошла к домам босыми ногами по горячему песку и острым камням,— по тротуару на каблуках она бы не смогла пройти более грациозно,— размахивая одной рукой, другую по-прежнему уперев в бок, с прямой спиной, ритмично, еле заметно изгибаясь в талии.

БИБЛЕЙСКИЙ КОЛОДЕЦ

Другие поселки были меньше и беднее Хурумейра. Около одного на песке под солнцем сохли тысячи недавно выловленных мелких сардин, которыми на побережье кормят верблюдов. Пока ихтиолог группы Володя Демидов мерил их, одну за другой бросая на свой лоток, мы стояли без дела, гадая: сколько ему понадобится времени, чтобы измерить всех рыбок? Мужчины поселка тоже собрались вокруг. Здесь вооруженных было больше, чем в Хурумейре. Старые тяжелые винтовки, затворы, прикрытые куском шерстяного носка, до блеска начищенные стволы, темные иссеченные приклады. Босоногие охотники, воины, рыбаки, закинув руки на винтовки, лежавшие на плечах, задумчиво следили за действиями ихтиолога.

Когда солнце заметно осело, превратившись в спелый помидор, мы подъехали к большому, сложенному из камней колодцу. Без колодцев по Аравии невозможно было бы ни пройти, ни проехать. Они ничуть не изменились с той поры, когда в тех же пустынях, правда много севернее, у одинокого колодца Иаков повстречал Рахиль. «И увидел: вот на поле колодезь, и там три стада мелкого скота, лежавшие около него; потому что из того

колодезя поили стада. Над устьем колодезя был большой камень».

Наш колодец закрывался двумя досками, которые когда-то выбросил океан, в остальном картина была почти та же. Рахиль, маленькая, невзрачная, в длинной черной юбке и красной кофте, забрасывала в колодец кусок автомобильного баллона, разрезанный вдоль и склеенный по краям, наполняла щетинистые бурдюки, поила тихих ослов и бестолково суетившихся овец. На нас она взглянула недоброжелательно, несколько не надеясь найти среди пятнисто обгоревших советских специалистов своего Иакова, но резиновую бадейку дала. Не обращая на нас внимания, навьючила ослов и нетерпеливо стала ждать, пока водители зальют в радиаторы воду. Собрав свое имущество, она потянула ослов прочь от колодца, овцы покорно засеменили вслед.

В бачке холодная аденская вода уже кончилась, пришлось пить колодезную. Мы впервые пили такую невкусную, жирную, солоноватую воду. Когда все, морщась, выпили по кружке, ихтиолог сказал озабоченно:

— В ней, должно быть, богатая флора.

В сумерках мы подъехали к крепости². На ее стенах, на расставленных на земле скамейках, на минарете маленькой белой мечети уже светились карбидные и керосиновые лампы. Вокруг небольшого форта были устроены гнезда для стрелков; на мешках с песком сидели солдаты, пили вечерний чай. Откричал муэдзин, уложили спать детей, затихла скотина, и звуков над пустыней осталось совсем немного — лишь постоянный далекий шум прибоя и на его фоне редкие голоса. Жара, которой, казалось, конца не будет, заметно спала. Очень хотелось скорее смыть липкую грязь, из-за которой неприятно было касаться лица, шеи, ног. Мы долго шли к берегу, и уже стало темно, луна четко определилась, проложив по воде свою трассу. Брезгливо стащили липнувшие к спинам рубашки, надели купальные трусы, а кое-кто вошел в воду, когда Демидов вспомнил об акулах. Он попросил далеко не заплывать, на что мы

² Имеется в виду старый укрепленный населенный пункт — Эт-Турбах, расположенный на небольшом полуострове.

Традиционный танец воинов

охотно согласились, и тут же добавил, что, впрочем, и у берега от акул не спастись: по статистике больше всего случаев нападения акул на людей приходится на глубину 70 сантиметров — один метр. Мы притихли. Тогда он поспешил нас ободрить:

— Акулу не надо колоть или резко бить, — сказал он, — ее нельзя раздражать. Нужно, тихо поглаживая по боку, отталкивать ее от себя, и она уйдет.

Все же у нас остались сомнения.

— А как быть, если она неожиданно отхватит руку или ногу? — спросил кто-то из воды.

— Но ведь у вас в запасе еще три конечности. Будете гладить уцелевшей рукой или ногой, — уверенно ответил Володя.

Борясь с приливной волной, напичканной песком, думая об акулах, которые где-то мечтали о нас, мы

кое-как смыли пыль и взамен покрылись морской солью.

От крепости по пустыне, сделавшейся в лунном свете белесой, к нам шел человек; в пятидесяти шагах стало различимо дуло винтовки, торчавшее из-за его плеча. За ним пришел наш сопровождающий, совсем юный работник департамента рыболовства. Остановившись на берегу и оглядевшись, солдат обратился к нам с речью, то и дело показывая рукой на горы, за которыми начиналась северойеменная территория, и часто повторяя слово «пу-пу». Потом он взял одного из нас за руку, повел от воды, не переставая говорить все то же «пу-пу». Юноша из департамента объяснил смысл сцены: солдат отвечает за нас и, от греха подальше, хочет увести в крепость, чтобы нас не подстрелили люди из-за гор, с которыми в то время отношения ухудшились.

Ужин был готов. В темноте повар сварил на костре яйца, сделал кофе и чай. Мелкими шажками, закусив нижнюю губу, он бегал вниз и вверх по лестнице, приносил еду и уносил грязные тарелки. Кто-то светил в чашки фонарем, а он разливал чай.

Мы спали на походных кроватях на крыше сторожевой крепости; на каменном мостике слабо горела керосиновая лампа; в углу у стены стоял автоматчик и смотрел в темноту, откуда незаметно мог подкрасться противник; луна сначала пробивалась в бойницы, потом поднялась повыше и долго освещала спящих. К утру пришлось завернуться в одеяла.

На рассвете маленький кораблик, пришедший за нами ночью, отправился на остров Перим. Он взбирался на волну, скатывался вниз и снова взбирался. Через одинаковые промежутки времени взлетали ровно отмеренные порции выхлопного дыма и брызг. На крыше рубки сидеть было удобно и интересно — видны были в деталях отполированные волны и летающие рыбы, часто, почти истерично махавшие плавниками-крыльями.

Через два с половиной часа суденышко подошло к Периму. Огромной подковой лежит этот остров посреди Баб-эль-Мандебского пролива. Волны в бухте были кроткими, и мы спокойно пристали к стенке. Рядом с причалом торчали ржавые опоры другой, большей, но разрушенной пристани, видны были рельсы старого слипа для подъема и ремонта судов, на берегу валялись мятые железные бочки, скелеты лодок и судов.

Мы долго жали руки встречавшим, арабы обнимались, передали почту, и наконец полицейский инспектор в новой черной фуражке, с английским стеклом под мышкой, пригласил нас в открытые машины. Сиденье оказалось похожим на куриный насест, на котором мы пытались удержаться, пока машина прыгала по заваленной камнями дороге и вдобавок засыпала нас пылью. Кругом была пустыня, и только два цвета — черный и песчано-желтый.

...«Древняя история Перима скрыта во мраке», — утверждают историки, не создавая у читателей напрасных иллюзий. В 1511 году вездесущие в те времена португальцы построили на северном берегу острова свою казарму. Что было с островом потом — опять неясно, вплоть до 3 мая 1799 года, до поры общеевропейского противоборства с Бонапартом. В этот день подполковник Маррей, состоявший на службе Ост-Индской компании, высадил на остров десант и объявил его владением Великобритании, наслаждаясь ароматом победы и досадой узурпатора, которую нетрудно было предвидеть. Смысл операции заключался в том, чтобы закрыть для Наполеона проход в Индийский океан.

Но какими печальными и тяжелыми оказались последовавшие за триумфом дни! Остров был гол и безводен. На кораблях издалека везли провиант и пресную воду, которой постоянно не хватало. Солдатские семьи, входившие в состав десанта, пришлось отправить в Бомбей, а вскоре, 26 февраля 1800 года, снялся с места и покинул остров его замученный жаждой гарнизон. Подполковник Маррей, все еще не ставший полковником, сумрачно отдавал приказания.

Остров снова обезлюдел и до 1839 года, когда англичане оккупировали Аден, никому не был нужен:

«ужасный корсиканец» так и не обратил на него внимания. В 1851 году на острове уже был маяк, его охранял отряд Ост-Индской компании, а через шесть лет Перим, как и Аден, официально вошел в состав Британской империи. С открытием Суэцкого канала началось процветание бесплодных скал при выходе из Красного моря — на них появились угольные склады одной из бомбейских фирм, снабжавшей топливом проходившие мимо суда. Росли причалы, и уже в конце XIX века они могли принимать одновременно девять океанских судов; появились дома, мастерские, электростанция и, самое главное, установка для опреснения воды. Все виды сервиса были к услугам заходивших в перимский порт пароходов. Туристы останавливались в гостинице, играли в теннис, гольф, крикет и футбол, сидели по ночам в гостеприимном баре, удили рыбу, громко кричали и дружно хлопали на ипподроме, наблюдая состязания конников индийской кавалерии, составлявшей гарнизон острова.

В 1924 году солдаты островного гарнизона восстали, убили своего офицера, ограбили гарнизонную кассу и, прихватив оружие и боеприпасы, дезертировали на материк. Это было самым крупным происшествием на Периме за долгие годы, о нем много говорили, а вот к сообщению о том, что в какой-то день 1921 года в Аденском порту было впервые заправлено жидким топливом одно судно, на острове отнеслись с полным равнодушием — хотя именно это событие решило судьбу Перима: его угольная компания, год за годом хирея, просуществовала еще шестнадцать лет, в то время как Аден строил новые и новые сооружения для бункеровки и хранилища нефтепродуктов. Угольная компания умирала вместе с пароходами, не разгадав будущего, которое счастливым образом открылось Адену.

...Мы тряслись на своем насесте, прикрывая голые колени шляпой и уговаривали друг друга, что терпеть уже осталось недолго — ведь, слава богу, мы на небольшом острове. Передышка случилась нечаянно. Прекрасная фуражка инспектора, сидевшего молча с печальным лицом, сорвалась с головы и полетела назад к причалу. Соседи полицейского застучали в заднее стекло кабины, машина остановилась, мальчишка выскочил в медленно оседавшее пыльное облако и набросился на фуражку,

не сумевшую далеко улететь. За эти несколько секунд инспектор погрузился еще больше. Но, получив свой головной убор, чуть улыбнулся, а мы испытали мимолетное счастье покоя.

На острове все было покинуто и разрушалось. Дома из черного камня, без крыш, без оконных рам и дверей просвечивали насквозь, в пустых проемах мелькали небо и океан; взлетно-посадочная полоса военного аэродрома с облезшим асфальтовым покрытием пришла в полный упадок; бессмысленно торчали неизвестного назначения оетонные колонны, растопырившие прутья арматуры.

Дом для гостей тоже оказался заброшенным и пропыленным. Высокий старик неторопливо убирал комнаты и ничуть не смутился, что не закончил работу к нашему приезду, и темп не изменил. Предводительствуемые инспектором, мы прошли через вестибюль и столовую в спальню, где стояло семь кроватей с пышными европейскими перинами, покрытые одинаковыми цветастыми покрывалами. По стенам висели выцветшие пейзажи прошлого века: тихие, прохладные места Шотландии и Северной Англии, деревья над быстрыми неглубокими речками и неподвижными озерами между холмов. В углу грудой валялись старые номера «Панча» и «Мотора». Самым ценным в тот момент был для нас бак холодной пресной воды.

Умывшись, мы отправились осматривать остров и снова ехали мимо тех же разоренных домов.

Около жилой хибарки мы остановились. Сошли на землю, чтобы размять ноги, и тут услышали, как кто-то сказал на хорошем английском языке:

— А я отсюда видел ваше судно и как вы на берег сошли.

Рядом стоял пожилой человек в белой рубашке и какой-то шапчонке на голове, любезно улыбался, показывая отличные искусственные зубы.

— Вы здесь живете?

— Постоянно, это мой остров.

— То есть как?

— Я здесь родился.

Нас заторопили и, залезая в кузов, один из нас спросил, можно ли на обратном пути заехать и поговорить с ним об острове.

— Конечно, конечно, — закивал человек.

Пока группа ездил в рыбацкий поселок и на маяк, мы кое-что узнали о нем.

— Это плохой человек, человек англичан,— сказал юный помощник губернатора провинции, оказавшийся тоже на острове.

— Он англичанам служил, хозяином острова был, его тут не любят. Партизаны его убить хотели, а он убежал. Потом вернулся. Теперь живет, никто его не трогает.

-- Он не работает?

— Нет, кому он нужен.

— Он, наверное, многое помнит. Мы хотели бы с ним поговорить. Давайте захватим его в гостиницу.

— Он дурной человек, ему туда нельзя — это народный дом.

— Тогда мы поговорим с ним у него.

Помощник, поколебавшись, согласился.

Бывший хозяин острова вышел нам навстречу. Он заискивающе улыбался и, уловив момент, когда инспектор вышел из машины, низко согнулся и поспешно коснулся губами его руки. Инспектор остался невозмутим.

Когда-то Шубайли (так звали этого человека) был богат и достаточно известен: его упоминает в своей книге бывший аденский губернатор Джонстон. В последние годы перед независимостью Южного Йемена Шубайли управлял островом, хотя его должность официально называлась скромно — «старший клерк». Он командовал полицейскими, среди которых был наш инспектор, тогда сержант, и в то время он не целовал рук своего подчиненного. Сержанты вовремя переориентировались, а он остался «человеком англичан».

Шубайли рассказывал о прошлом, и, когда улыбался, уши его двигались.

— Сначала я работал в компании. Что тут творилось! Пили, дрались, несколько человек утонуло. В тридцатые годы репутация компании совсем упала. Они поставляли на пароходы меньше угля, чем те покупали. Сбрасывали уголь с лихтера, который вез его на паром, а потом вылавливали из воды, сушили и снова продавали. Им уже совсем верить перестали. В 1936 году всего несколько судов сюда зашло, а на следующий год компания прогорела. Все уехали, один служащий

остался. Он все документы сжег, что мог распродал. Крыши, рамы, двери — все вывезли в Аден, Африку, в Италию. Только стены остались...

Автомобиль загудел под окном: повар приготовит обед, нас ждали, и мы распрощались.

Вечером море было спокойным, слышно было лишь тихое шуршанье: сотни маленьких раков-отшельников направлялись кормиться оставленными отливом водорослями, крабы рыли норы, вдоль берега стояли их сложенные из песка пирамиды.

ИЗ МУКАЛЛЫ В СЕЙУН

— Завтра выезжаем в Сейун,— сказал нам Саид.—
Отъезд в шесть утра. Захватите какую-нибудь теплую
одежду.

Заметив наше удивление, он пояснил:

— Ночью в горах бывает очень холодно.

Мы не поверили, решив, что он преувеличивает.
Понятие холода здесь весьма относительно. Однако, как
выяснилось впоследствии, Саид оказался прав.

Был седьмой час вечера. Пока мы стояли, обсуждая,
в какую сторону отправиться, незаметно подкралась
темнота. Темнеет в тропиках быстро, почти без сумерек,
в течение нескольких минут все вокруг погружается в
непроглядную тьму.

Вид улицы неожиданно преобразился. Сонная, за-
хламленная, с мелкими лавчонками, занимающими, как
всюду на Востоке, первые этажи домов, улица освети-
лась сотнями ламп, заполнилась людьми. Будто из-под
земли появились кофейные и закусочные. Прямо под
открытым небом на жаровнях или керосинках варилась
и жарилась какая-то еда, остро пахло пряностями, ки-
пел чай и кофе. Тут же за расставленными на тротуаре
столиками сидели посетители.

Мы двинулись по узкому проходу между двумя ря-
дами выкрашенных чаще всего в белый цвет пяти-, вось-
миэтажных домов с плоскими крышами. Наше появление
не прошло незамеченным. Сидящие за столиками и тор-
говцы в лавках, переговариваясь и поглядывая в нашу
сторону, высказывали предположение, что в порт зашел
большой теплоход и мы, должно быть, матросы с этого
судна.

Улица Мукалы

Мукаллу не посещают пассажирские лайнеры, а крупные торговые суда, что привозят грузы для местных купцов и товары, идущие транзитом в Саудовскую Аравию и Северный Йемен, обычно отстаиваются на рейде. Для доставки на берег товары перегружаются на небольшие гребные лодки или моторные боты; экипажи, как правило, редко сходят на берег.

За время нашего пребывания в Мукалле мы не встретили ни одного иностранца, если не считать нескольких преподавателей-египтян и трех западногерманских инженеров, работавших на холодильнике в рыболовецком порту. Они заготавливали для своей компании лангустов, во множестве обитающих в прибрежных водах. Немцы скупали их по дешевке у местных рыбаков и мальчишек, замораживали в холодильнике, упаковывали в картонки и затем отправляли в Европу. Мясо лангустов высоко ценится на мировом рынке, однако местное население очень редко употребляет его в пищу. Во внутренних районах страны лангустов вообще не едят, так же как морских черепах и даже мороженую рыбу. Такова сила обычаев и предрассудков.

Наша прогулка по улицам Мукаллы была непродолжительна. Не успели мы сделать и нескольких шагов, как рубашки прилипли к телу — дневной зной сменился влажной духотой. Липкий, горячий воздух обволакивал нас, обильный пот проступал сквозь рубашку, стекал струйками по телу, дышать было тяжело, все время хотелось пить, но выпитая бутылка воды тут же выделялась в виде пота. В ближайшей лавке мы купили по небольшому мохнатому полотенцу, чтобы стирать пот с лица и шеи. Здесь все ходят с такими полотенцами, перебросив их через плечо или заткнув за пояс.

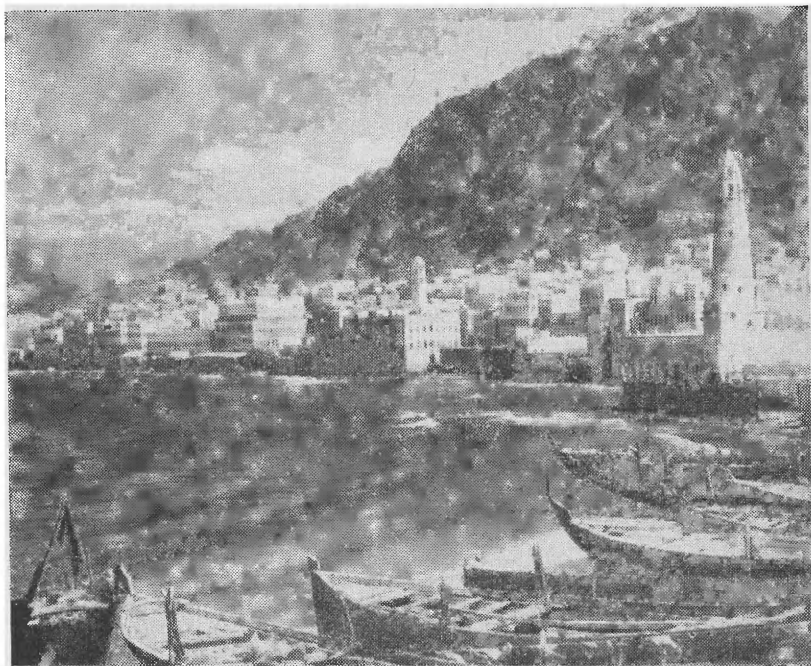
В номере гостиницы под потолком вращался большой трехлопастный пропеллер. Запустив его на полную мощность, так что разлетались занавески, и усевшись под ним, мы почувствовали некоторое облегчение.

Быстро заснуть не удалось. Несмотря на то, что мы пододвинули наши кровати под самый фен, подушка и простыня немедленно становились влажными. Приходилось время от времени поворачиваться и охлаждать бока под струйками воздуха, гонимого феном.

Утром нас разбудили мухи. Проникнув с рассветом во все щели, они бесцеремонно расхаживали по лицу,

не обращая внимания на ветер, поднятый феном. Убедившись, что бороться с ними бесполезно, мы решили оставить бесплодные попытки и еще немного поспать.

Первые лучи солнца золотили вершущи минаретов. Город проснулся, из открытых харчевен доносился аромат пряных приправ, за столиками пили чай первые посетители. Женщины, завернувшись в черные покрывала, направлялись на базар. Все они что-нибудь несли на головах — либо корзину, либо какой-нибудь сверток. Туда же шли обитатели окрестных оазисов — длинноволосые, бородатые, голые по пояс бедуины. Часто единственной их одеждой была набедренная повязка, или «фута», нечто вроде юбки, обязательно подпоясанная широким поясом с засунутым за него неизменным кривым кинжалом. Они гнали перед собой небольшие стада коз и овец.

Мукалла — порт рыбаков

ХАДРАМАУТ — ЖИЗНЬ ИЛИ СМЕРТЬ?

На пыльной площади перед гостиницей стоят два «лендропера», по сторонам радиаторов подвешены бурдюки с водой — это своеобразный способ сохранить в пустыне свежую холодную воду. Наполненный водой бурдюк из козьей шкуры всегда имеет влажную поверхность, на ветру и при движении машины влага интенсивно испаряется, охлаждая тем самым содержимое, хотя сам бурдюк находится на солнце.

Мы садимся в переднюю машину, в заднюю складывают вещи и провизию, там же размещаются наши сопровождающие, и мы отправляемся в путь, в глубь таинственного Хадрамаута.

Узким, извилистым путем мы медленно углубляемся в горы. Здесь нет дорог, в лучшем случае тропы, по которым караваны верблюдов проходят вдоль вади.

Вади — это сухие русла и в то же время глубокие ущелья, врезающиеся на сотни метров в скалистые плоскогорья. Дно их покрыто галькой разной величины и валунами, обкатанными могучими горными потоками, когда-то мчавшимися с гор к морю. Сейчас воды нет. Лишь раз в несколько лет, когда высоко в горах выпадают дожди, вади на 10–12 дней заполняются водой. По ним и проходит единственный путь внутри страны, по которому могут двигаться верблюды да машины-вездеходы типа «лендропера».

Машина идет зигзагами, объезжая крупные обломки скал. Вокруг на десятки миль простирается выжженная солнцем каменистая почва, застывшие потоки черной лавы, плиты красного песчаника, волнистые россыпи желтого песка. Лишь кое-где виднеются пыльные акации. По обеим сторонам от нас уходят вдаль изрезанные ущельями склоны горных цепей. На длинных гребнях стоят древние сторожевые башни, сложенные из каменных глыб. Они построены на самых высоких точках хребта на расстоянии зрительной связи друг от друга. С этих башен дозорные оповещали горожан о приближении неприятеля или о каких-либо других опасностях, угрожавших городу.

Многие башни наполовину разрушились. Утихла вражда племен, да и города настолько окрепли, что

никакое племя не посмеет посягнуть на них, к тому же и средства связи за последние годы значительно усовершенствовались. И теперь эти башни стоят как вехи, за много десятков километров указывая направление к городу.

Дорога постепенно вытягивается в гигантское ущелье. Черные базальтовые стены почти отвесно поднимаются к небу. Узенькая полоска дороги, бывшая некогда караванной тропой, вьется по склонам ущелья, с одной стороны ее ограничивает глубокая пропасть, с другой — крутая скала. Двум автомобилям на этом пути не разъехаться, поэтому шоферы перед каждым поворотом громко гудят, предупреждая встречную машину, чтобы она могла заблаговременно спрятаться в ближайшей выемке, сделанной в скале специально для этой цели.

За одним из поворотов перед нами открывается удивительная картина. Узкая тропа переходит в каменистую площадку, ручеек дает жизнь небольшой роще кокосовых пальм и банановых деревьев. В их тени приютились две сложенные из нетесаных камней хижины. Вид этого оазиса с его ярко-зеленой растительностью, светлым пятном выделяющейся на фоне угрюмых, бурых скал, радует глаз.

На крыльце хижины сидел голый, в одной лишь набедренной повязке старый йеменец. Возле него лежала связка свежесорванных кокосовых орехов. Он обдирает с них зеленый волокнистый покров, затем ловко, одним ударом тяжелого ножа, отрубает у ореха верхушку и выливает в большую пластмассовую кружку мутноватую, похожую на сыворотку жидкость — так называемое кокосовое молоко. Мы с удовольствием выпили по целой кружке прохладного, сладковатого молока, затем выпили еще прямо из ореха и закусили посудой: старик очистил орех от скорлупы и вынул ядро, оно было величиной с большое яблоко, но только пустое внутри.

Утолив жажду и немного остыв в уютной прохладе оазиса, мы умылись холодной водой из ручейка и уселись за стол. Мальчик-слуга, все это время с разинутым ртом следивший за каждым нашим движением, принес в маленьких толстых стаканах горячий чай, который хорошо утоляет жажду и возвращает бодрость. Чай здесь пьют в различных видах: либо просто крепкий, душистый, либо наполовину разведенный молоком креп-

чайший настой, то, что у нас называют заваркой, либо чай с мятой или какими-либо другими ароматными приправами. Йеменцы в равной степени любят как чай, так и кофе.

В дорогу старик снабдил нас своеобразными фляжками. Очистив орехи, он вырезал сверху круглые пробки, которыми можно было плотно закрыть сосуды, созданные природой.

Раскалившиеся на солнце машины, натуженно урча, карабкались все выше и выше по склону ущелья, увозя нас от гостеприимного оазиса. Вдруг на одном из крутых подъемов мы услышали глухой удар и скрежет металла. Шофер тут же нажал на тормоз и заглушил мотор, в мгновение все выскочили на дорогу — машина медленно сползала к краю пропасти. Подложив камни под колеса, шофер стал исследовать повреждение. Оказалось, что на повороте автомобиль наткнулся картером на выступавший острый камень, и теперь масло ручейком вытекало на землю. Продолжать путь на этой машине было уже невозможно, поэтому решили отогнать ее к первой широкой площадке и оставить там, а затем из ближайшего селения прислать механика. Мы перебрались во вторую машину и, усевшись на каких-то узлах и чемоданах, опять затряслись по каменистой тропе.

Наконец мы выбрались на вершину перевала и двинулись на север по усыпанному мелкими камнями гребню горного хребта. Здесь уже дышалось значительно легче, свежий ветер обдувал разгоряченные лица, да и жара особенно не ощущалась — сказывалась большая высота.

Мы пробирались через вад и горные цепи, то с одной, то с другой стороны открывались глубокие пропасти. Иногда мы двигались по толстому слою вулканической пыли, такой мелкой и тяжелой, что она разлеталась из-под колес брызгами, словно вода.

Местность постепенно понижается. Где-то впереди находится долина Хадрамаута. Все чаще попадает растительность: жесткая трава, мелкий кустарник, низкие, шатром пригнувшиеся к земле акации. Черные зубчатые хребты гор отступили назад, лишь одна серая гряда, выдвинувшись откуда-то справа, уходит в направлении нашего движения.

Решаем сделать привал. Шофер разворачивает машину и, проскакав по круглым камням, устилающим русло когда-то мчавшегося здесь потока, останавливается в тени одинокого раскидистого дерева, усыпанного желтыми цветочками и какими-то мелкими плодами. Холмы покрыты богатой растительностью, всевозможными кустами с яркими, но не пахучими цветами. Можно с уверенностью сказать, что где-то поблизости источник воды.

Невдалеке, на возвышенности, видна небольшая горная деревушка. Несколько высоких, сужающихся кверху, похожих на средневековые башни, сложенных из тесаных камней домов местных феодалов, а вокруг прилепившиеся к ним одно- или двухэтажные, сделанные из необожженного кирпича домики феллахов. Окна домов — очень узкие, похожие на бойницы — когда-то действительно служили для обороны.

Из-за ближайшего, поросшего жестким кустарником холма появилось стадо коз и овец. Девочка-бедуинка лет двенадцати, закутанная в черное покрывало, подгоняла палкой отстающих животных. Увидев нас, она остановилась и издали с любопытством искоса поглядывала в нашу сторону. Лицо ее было открыто. Однако, когда один из нас сделал попытку сфотографировать ее, она сердито замахала на него руками, прикрыла лицо краем платка и поспешила уйти подальше.

И вновь наша машина, урча и подпрыгивая на камнях и рывинах, несет нас по долине. Мы едем теперь вдоль узкой полосы яркой зелени, по берегу протекающей в долине речушки. Это и есть основной оазис — Хадрамаут, расположенный среди суровой каменистой пустыни.

Словно высеченные искусным скульптором опоры, поддерживающие своды гигантского храма, вздымаются ввысь от подножия ряды огромных колонн. Они будто подпирают каменную стену, почти отвесно поднимающуюся к голубому небу и заканчивающуюся плоской вершиной. Это знаменитые столовые горы Хадрамаута.

Земля покрыта мельчайшей пылью, которая длинным, почти в километр, хвостом тянется за нашей машиной. Но почва здесь плодородная, вода, тепло и труд человека превращают эту местность в богатый сельскохозяйственный район. Поэтому довольно странно звучит назва-

ние вади — «Хадрамаут», что по-арабски означает «пришла смерть».

— Почему эта цветущая земля носит такое мрачное название? — спросили мы нашего друга Мухаммеда Юсефа.

— О происхождении названия существует много легенд, — ответил он. — В одной из них говорится, что когда первые арабы пришли на эту землю, их внезапно застигла страшная песчаная буря, пронеслись гигантские смерчи. Не выдавшие прежде такого разгула стихии арабы попадали на землю, призывая на помощь аллаха и крича: «Пришла смерть!». Так за страной сохранилось это название, которое мало соответствует действительности.

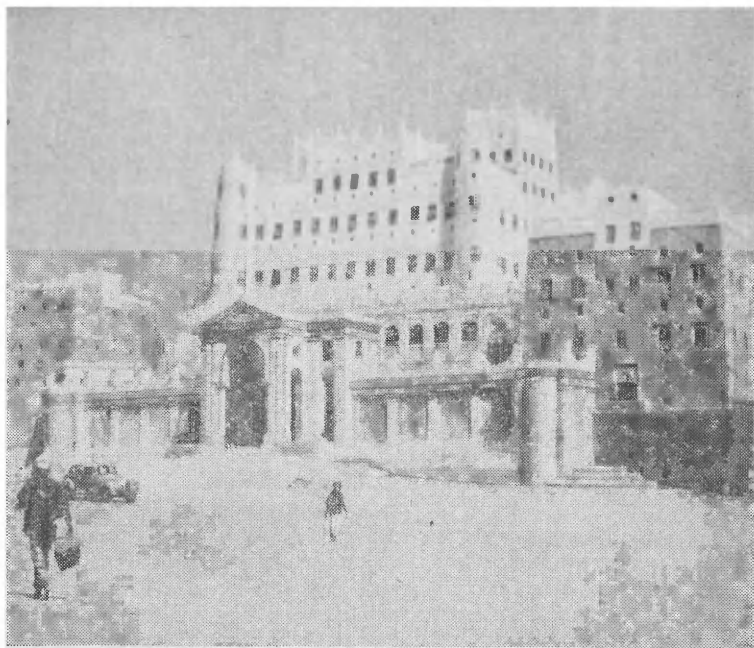
ОСЛЕПИТЕЛЬНО БЕЛЫЙ ГОРОД

Солнце уже склонялось к горизонту, окрашивая в розовые цвета плоские вершины столовых гор, когда мы добрались до Сейуна.

Первое, что мы увидели, — это лабиринт высоких глиняных стен, окружавших красивые белые дома, зелень пальм и других деревьев во внутренних двориках.

Дома в Сейуне не такие высокие, как в некоторых других городах Южного Йемена, но зато более опрятные; часто встречаются здания, отделанные искусными украшениями. В отличие от прибрежной зоны и других горных районов дома здесь построены из глины, вернее, сложены из крупных глиняных кирпичей, и имеют два, три, редко четыре этажа, с традиционными плоскими крышами, огражденными парапетом. Верхние этажи, а иногда и весь дом целиком снаружи покрывают гипсом. Белые здания, разбросанные среди сочной зелени оазиса, придают Сейуну сходство с нарядным курортным городом.

Самое красивое здание города — построенный полтора столетия назад огромный дворец султанов Катири, гордо вздымающий к небесам свои купола и башни, сияющий на солнце ослепительной белизной. К дворцу примыкает большой сад с пальмами, обнесенный высокой каменной стеной, украшенной гипсовыми колоннами.

Дворец свергнутого султана в тихом, уютном Сейуне

Над роскошным подъездом дворца, опоясанным с двух сторон широкой пологой лестницей, развевается национальный флаг Народной Демократической Республики Йемен. Султан успел вовремя сбежать, теперь в нескольких комнатах первого этажа разместились полицейский участок.

Мы ходим по безлюдным, просторным помещениям дворца с его многочисленными переходами, лестницами, с отполированными за много лет до мраморного блеска ступенями, где сейчас все покрывает толстый слой пыли. Здесь, в этом здании, насчитывающем почти тысячу комнат, жил всемогущий властелин, владевший сотнями рабов, десятками наложниц в гареме.

Странно было сознавать, что всего два года назад здесь можно было продать или купить человека, что жизнь людей зависела от каприза своенравного деспота.

Первым же декретом нового правительства республики рабство было отменено.

Сейун не похож на другие восточные города с их шумными торговыми улицами, лавчонками, заполняющими первые этажи домов, многочисленными кофейнями, многоэтажными, прилепленными друг к другу домами, где жизнь их обитателей вся на виду. В Сейуне каждый укрылся в своем доме, да еще отгородился стенами. Тут можно идти по улице не одну сотню метров, не видя ничего, кроме высоких стен да узких деревянных калиток в них. Есть в городе, конечно, и базар, и магазины, но их мало, и они не занимают здесь такого доминирующего положения, как в других местах.

В отличие от оживленных административных или торговых центров, населенных чиновниками, торговцами и прочими занятыми активной деятельностью людьми, дома и поместья в Сейуне приобретают крупные коммерсанты-оптовики из тех, кто имеет дела в других странах — в Саудовской Аравии, Кувейте, Катаре, княжествах Персидского залива — и проводит там значительную часть года. В свой уютный Сейун они приезжают отдыхать от дел.

Имеется в Сейуне и еще одна небольшая особенность. Она относится к области женского туалета. Если в других городах женщины предпочитают синюю или черную одежду, то местные женщины носят платья красного или желтого цвета. У многих в платке, закрывающем лицо, сделано небольшое ромбовидное отверстие, сквозь которое виднеется сверкающий любопытством черный глаз. Некоторые модницы вышивают края этого окошечка разноцветным орнаментом.

По этому поводу у нас возникли различные суждения. Одни считали, что это фангазия местных жительниц, другие высказывали предположение, что обладательницами украшений являются незамужние женщины или невесты. К сожалению, мы так и не успели это выяснить.

В отеле, где мы остановились, кроме нас был еще только один постоялец: высокий флегматичный англичанин — представитель компании «Шелл», один из немногих англичан, оставшихся в Южном Йемене после провозглашения независимости. В Сейун он приехал по делам своей фирмы и большую часть времени проводил

на террасе отеля, потягивая фруктовый сок. Одет он был в традиционный костюм англичан, живших в колониях: белые шорты, белые чулки до колен и рубашка. Очевидно, он очень скучал здесь и потому так обрадовался нашему появлению. Утомленные жарой и событиями дня, мы сидели на открытой террасе в саду отеля, обмениваясь впечатлениями о встречах и беседах.

Вечерело... Над черными верхушками пальм, словно серебряная ладья, плыл молодой месяц. И вместе с наступлением темноты постепенно замирала жизнь города, затихали звуки и голоса. Лишь изредка в сгустившейся тишине доносился отдаленный скрип колодезного колеса да редкий собачий лай. Наконец совсем стихло.

К нам подошел наш сопровождающий Мухаммед и сказал, что служащие местного департамента сельского хозяйства приглашают нас на чай. Мы пошли за ним к соседнему зданию. По наружной лестнице поднялись на плоскую крышу, огороженную высоким парапетом. Нас уже ждали. Все было готово к чаепитию: на полу, на большом ковре, стояли подносы с посудой, пыхтел большой блестящий самовар. Настоящий русский самовар.

— Вот так сюрприз,— воскликнули мы,— будем пить чай из самовара!

— Неужели и по-русски самовар называется «самовар»? — удивился Бешир, один из чиновников департамента.

Это слово, как и сам самовар, давно и прочно вошло в обиход арабов, так что они уже и не задумывались о его происхождении и, возможно, даже считали его своим.

Тем временем Бешир занимался приготовлением чая, что оказалось довольно серьезной процедурой. Ошпарив кипятком фарфоровый чайник, он всыпал в него целую пачку цейлонского чая, побрызгал чай водой, а затем, заварив его крутым кипятком, поставил настаиваться на самовар. Во втором чайнике он заварил пачку индийского чая.

Пока чай настаивался, Бешир занялся подготовкой посуды. Разложив в маленькие стаканчики по две ложки сахара, он налил в них немного воды и быстро вылил. Как чай, так и сахар, объяснил он, нужно споласкивать, чтобы удалить посторонний запах и примеси. Только

тогда чай будет прозрачным и будет иметь свой аромат и цвет.

Разлив по стаканчикам настоявшийся чай, он предложил нам оценить его. Чай действительно оказался ароматным и вкусным, но очень крепким. Он снимал усталость, вливая в организм новые силы.

По второму стаканчику Бешир налил нам индийского чая. Он тоже был ароматным, но имел другой, характерный для него вкус.

За беседой незаметно протекло время. Завтра рано в путь. Мы распрощались с гостеприимными хозяевами и разбрелись по своим душным, нагретым за день чомерам. Раскрыв настежь окна и двери, мы улеглись спать. Среди ночи проснулись от холода. Тишина была почти абсолютной, так что слышно было, как падает с дерева сухой лист. Будто призрачные, стояли залитые лунным светом дома, пальмы, кусты цветущих роз. Заколдованное спящее царство. словно кто-то дунул холодом — и город застыл.

Холод, конечно, был относительным. Вероятно, не меньше 15—18 градусов выше нуля. Но после адского дневного пекла эта температура казалась довольно сильным холодом. Саид был прав, предупреждая нас об этом еще в Мукалле.

На рассвете мы покидали Сейун. С первыми же лучами солнца жара снова сгустилась над пересохшей землей. Улицы были еще безлюдны. Мы проехали мимо султанского дворца, на ступеньках которого, положив на колени автомат, дремал босоногий полицейский, и выбрались за стены города. Впереди расстилалась песчаная, окаймленная горами, желто-зеленая долина Хадрамаута.

ПОГИБШАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В поселок Бир Али, расположенный на побережье Аденского залива, из столицы республики можно добраться различными путями. Во-первых, морем. Для этого пользуются катером, изредка совершающим рейсы вдоль побережья. Однако этот способ отнимает много времени, привязывает к месту, а кроме того, приближался сезон северных ветров, следовательно и штормовой погоды, что было ни к чему.

Можно также добраться туда на машине. Ехать придется прямо по пустыне. Хороших дорог пока в республике мало. Англичане, жившие в основном в Адене, мало заботились о дорожном строительстве, а если и строили, то в первую очередь стратегические дороги, как, например, в Радфане, предназначенные для переброски войск в восставшие районы.

В Бир Али нас влекло крупное кооперативное рыболовецкое хозяйство. Срок командировки подходил к концу, нужно было торопиться, а преодоление 250 миль от Адена до Бир Али по бездорожью могло потребовать значительного времени. Мы выбрали третий путь — по прибрежной полосе, точнее, по узкой, сырой полосе отлива. Эта полоса представляет собой идеально гладкую поверхность, простирающуюся на многие десятки миль.

Выехали рано, с самым началом отлива и, свернув с наезженной дороги к морю, стрелой помчались вдоль отступающей кромки воды. Слева громоздились барханы белого песка, справа расстилалась синяя гладь океана, вдаль бежала темная полоса оставленного морем песка, над этим простором в ярко-голубом небе висело раска-

ленное солнце. В его лучах блестели оставшиеся кое-где лужицы морской воды, вспыхивали разноцветными огнями перламутровые раковины, светилась отполированная волной галька. А влажная полоса вела вперед — то вытянувшись стрелой на несколько миль по песчаному пляжу, то огибая широкой дугой небольшую бухту, то круто ломаясь на каменистой или песчаной косе, вонзенной в море.

Песчаный пляж сменялся мелким крошевом ракушек, кораллов и других известковых останков, иногда прерывался пологим каменистым плато — выходом черного базальта.

Возле воды сидели сотни серых, жирных чаек. С приближением машины они лениво взлетали, делали небольшой круг, пропуская нас, и снова садились на прежнее место. В мелких илистых бухтах, стоя на одной ноге, размышляли о странностях бытия розовые фламинго. Шум мотора не произвел на них никакого впечатления.

После нескольких часов езды мы увидели развешенные на шестах рыбацкие сети. Немного в стороне, прямо посреди прибрежных дюн, виднелись сложенные из нетесаных камней рыбацкие хижины. Около десятка каноз и сомбуков, почерневших от рыбьего жира, солнца и морской воды, сохли на берегу. Свора похожих на лисиц собак одинаковой светло-желтой масти выскочила навстречу и с лаем заметалась вокруг машины. Мы остановились возле навеса из пальмовых веток, в тени которого были сложены невода и прочее рыбацкое снаряжение.

Неподалеку, прямо на песке, сушились огромные кучи недавно выловленной сардины. Лохматые мальчишки, размахивая тряпками, пытались отогнать прожорливых чаек, вившихся над рыбой и оглашавших воздух резкими криками.

ВЕЛИКОЕ БОГАТСТВО ОКЕАНА

Арабы побережья Аравии — прирожденные мореходы. На своих примитивных, но мастерски сделанных судах они много веков назад ходили к берегам Восточ-

ной Африки, Индии, Юго-Восточной Азии. Арабский лоцман Ахмад ибн Маджид провел корабли Васко да Гамы через Индийский океан к берегам Индии.

Рыболовство с давних времен было основным промыслом жителей побережья Аравийского полуострова. На узких долбленых каноэ или искусно изготовленных без единого железного гвоздя остроносых сомбуках они уходят далеко в море, рыбацким чутьем отыскивают косяки рыбы.

Прибрежные воды Аденского залива богаты рыбой. Здесь ловят тунца, скумбрию, сардину, анчоусы, барракуду, ставриду, скального окуня, различных акул и много других океанских рыб.

Сардину вылавливают в огромных количествах. Это, можно сказать, хлеб прибрежных жителей. Незначительная часть ее потребляется на месте. Основное количество сушат, затем перемалывают в муку и в таком виде отправляют в Африку и в другие районы мира. Часть рыбной муки или просто сушеной сардины продается во внутренние районы кочевым племенам.

Из сардины вытапливается рыбий жир. Он идет на экспорт, им промазывают рыбацкие лодки. Крупных рыб — тунца, ставриду, скумбрию, акулу — солят и вялят на солнце, а затем отправляют на внешние и внутренние рынки.

Нужно сказать, что не только свежую, но даже солено-вяленую рыбу потребляют, в основном, жители побережья и соседних с ним районов. Дело в том, что отсутствие дорог и почти полное отсутствие транспортных средств, приспособленных для перевозки скоропортящихся грузов, являются серьезным препятствием для экономических связей между частями страны. При высокой температуре и повышенной влажности такой нежный продукт, как свежая рыба, может храниться всего несколько часов. Чаще всего ее перевозят на близлежащие рынки рано утром.

Наиболее ценным продуктом рыболовного промысла юга Аравии считаются акульки плавники. Их вялят, упаковывают в мешки и отправляют в Китай и страны Юго-Восточной Азии, где за них платят большие деньги. Акул в Южном Йемене вылавливают очень много и употребляют в пищу. Лучшим деликатесом считаются акулята. Прибрежные воды буквально кишат акулами и

другими хищными рыбами. Здесь можно встретить рыбу-меч, рыбу-пилу, мурену и самого страшного людоеда — рыбу-молот. К счастью, нам не пришлось встретиться с ними во время купанья. Мы видели их распростертые туши лишь на берегу, где их ловко разделявали кривыми ножами йеменские рыбаки.

Рыбацкий поселок, где мы остановились, был небольшой — всего около пятидесяти семей. На лов тут выходят бригадами. Хозяин сомбука или каноэ, часто он же и владелец сетей, подбирает команду из тех, кто не имеет ничего, кроме рук, и выходит с ними на промысел. Улов распределяется в зависимости от внесенного вклада, и ясно, что львиную долю забирают владельцы лодок и промыслового снаряжения. Остальные рыбаки, как правило, оказываются в неоплатном долгу у крупных хозяев и скупщиков рыбы.

Республиканское правительство проводит политику объединения рыболовецких хозяйств в артели и кооперативы, помогает им сетями и другим оборудованием, планирует строительство холодильников для хранения рыбы.

Солнце уже палило во всю мочь, и нам надо было спешить, чтобы добраться до намеченного ночлега прежде чем начнется прилив. Дело в том, что несмотря на все удобства передвижения по отливной полосе, этот путь имеет и некоторые недостатки. Так, в тех местах, где выходы скальных пород приближаются к морю и машина движется между морем и каменной стеной, существует опасность, что машина не успеет выбраться из этого коридора до начала прилива, и тогда прибойная волна может разбить ее о скалу. Если же прилив достигнет машину где-то на пустынном пути, то придется сворачивать прямо в пески и пробиваться по бездорожью в надежде набрести на какой-нибудь проселок. Тут уж все зависит от мастерства водителя. Зарываясь в сыпучий песок, машина петляет между барханами, продирается сквозь заросли сухих колючек и после нескольких часов мучительной тряски, жары и пыли привозит вконец измученных и отупевших пассажиров к селению или колодцу.

Однако нам повезло. Мы успели проскочить скалистый коридор, когда же начался прилив и нам пришлось свернуть на песчаную равнину, оставалось уже всего

несколько десятков километров до Ахвара, где намечали сделать привал. Мы ехали теперь по территории Третьей провинции, т. е. по земле бывших султанатов Фадли и Нижний Аулаки.

Поздним вечером мы въехали в Ахвар, расположенный в нескольких километрах от моря. Это средний, ничем не примечательный южноеме́нский городок, центр сельскохозяйственного района Третьей провинции. Вокруг него расположены большие хлопковые плантации. Несмотря на то, что здесь очень засушливый климат, а хлопок, как известно, требует много воды, в этом районе его выращивают вполне успешно. Специалисты объясняют это тем, что вблизи моря влажность воздуха очень высока и это препятствует испарению влаги листьями¹.

Все чаще стали попадаться небольшие рыбацкие дере́вюшки; у берега покачивались остроносые пироги. Смуглые, с черными, падающими на плечи волосами рыбаки вытаскивали на берег улов. Серебром сверкали на желтом песке груды сардин и морских окуней, синеватым блеском отливали упругие туши акул.

В одном месте наше внимание привлекли какие-то странные большие предметы округлой формы, торчавшие из песка. Темного цвета, они напоминали большие обкатанные каменные валуны. Приглядевшись, мы заметили, что поверхность у них не гладкая и покрыта пятнами. Подъехав поближе к одному из этих загадочных предметов, мы увидели, что это труп гигантской морской черепахи диаметром больше метра. Панцири черепах, уже наполовину занесенные песком, попадались нам затем на протяжении десятков миль.

Мы заинтересовались, как попали сюда эти морские животные. Сами ли они пришли умирать, или их погубила какая-нибудь болезнь? Один из сопровождавших нас йеменцев — старый рыбак — объяснил, что местные жители не употребляют в пищу мясо морских черепах и не продают его, считая нечистым. Когда же черепаха попадает в сеть, они убивают ее ударом по голове.

— Невежественные рыбаки, — сказал он, — делают это для того, чтобы черепаха не попалась второй раз и не порвала сети.

¹ Немаловажную роль в данном случае играет плодородие почв в районе вади Ахвам.

Так это или не так, но на коротком участке пути мы насчитали более полусотни черепаших панцирей.

У берегов Аравии обитают огромные стада черепах: Однажды мы увидели их лежбище. На пустынном мысу песок был изрыт множеством воронок метра три в диаметре. От каждой из них в сторону моря тянулись глубокие борозды, будто оставленные гусеницами трактора. Каждый год в определенное время самки морских черепах приходят сюда, чтобы в укромном месте отложить в горячий песок несколько яиц в кожистой оболочке. На этом их миссия в деле продолжения потомства кончается. Пролежав в горячем песке, яйца лопаются, из них вылупляются маленькие черепашки и резво бегут в свою родную стихию — море.

Правительство республики принимает сейчас меры для охраны этих животных от истребления. Во многих местах на побережье, в бухтах, богатых водорослями, которыми питаются черепахи, устраиваются заповедники и питомники, места кладки яиц охраняются законом. В определенное время производится отлов ограниченного количества черепах, мясо которых является одной из статей экспорта и вывозится в западные страны.

Колоссальные запасы морских богатств хранят в себе прибрежные воды Южного Йемена. Бывают сезоны, когда рыба кишит у берегов, и рыбаки прямо с берега закидывают невод и тут же полный вытаскивают на берег.

Рыбные богатства могли бы стать важной статьей дохода при правильной организации добычи.

СВИДЕТЕЛИ ТРАГЕДИИ

Солнце уже клонилось к закату, когда вдали показались очертания бухты Бир Али. Мы с интересом вглядывались в вырастающие впереди многоэтажные дома, остатки каменных стен, полузанесенные песком развалины каких-то зданий.

Этот ныне пустынный район был когда-то цветущим краем, одним из центров древней химьяритской цивилизации. Здесь — в суровых горных районах и в безлюдных песчаных равнинах — и сейчас еще можно найти

остатки древних ирригационных сооружений: плотин, водоемов, колодцев, каналов, развалины старинных замков и крепостей, гробницы, стены которых покрыты древними письменами. И сейчас поражают воображение будто волшебной силой вознесенные на неприступные утесы древние храмы удивительной архитектуры, сложенные из монолитных многотонных глыб. О развитии искусства, большом мастерстве древних художников говорят прекрасные фрески на стенах, тонкой работы изделия, обнаруженные в гробницах. К сожалению, наиболее ценные предметы, представляющие большой интерес для науки, были расхищены до провозглашения независимости Южного Йемена. Но и то, что сохранилось, оставляет археологам и востоковедам богатый материал для изучения. Немало интересных памятников химьяритской истории и культуры сохранилось, в частности, в том месте, куда мы направлялись — в районе Бир Али.

К дошедшим до нас следам химьяритской культуры можно отнести и химьяритский язык, хорошо сохранившийся и очень распространенный среди жителей побережья и островов. Необыкновенно мелодичны старинные химьяритские песни, которые поют рыбаки, выходя в море и дружно, в такт песне, взмахивая веслами.

Рыбацкий поселок и порт Бир Али расположен в небольшой бухте в милю длиной, защищенной от суровых северных ветров. С востока ее прикрывает длинная цепь холмов Шуран. На юге черным квадратным камнем возвышается словно природная крепость, защищающая вход в бухту, гора Аль-Гураб. Эта бухта издавна служит надежным укрытием для небольших рыбацких и торговых судов, спасая их от ярости муссонных ветров, дующих на Аравийском побережье.

В древности этот естественный порт носил название Кана. Он был когда-то основным портом Хадрамаута, центром торговли и перекрестком старых торговых дорог, связывавших Индию, Африку и средиземноморские страны. Здесь шла торговля такими дорогами в то время товарами, как ладан и мирра, отсюда их вывозили на кораблях в страны Восточной Африки и Юго-Восточной Азии, здесь их грузили на караваны, которые, покидая Кану, шли в долину Амд, а оттуда — на северо-восток, к порту Герры на побережье Персидского залива (и

далее в Месопотамию) или на северо-запад, к Ясрибу² (и далее в Сирию и Египет).

Кана как один из важных торговых портов Сабейского царства упоминается в Ветхом завете. Птолемей сообщает, что Кана была в его время большим торговым городом, а Плиний утверждает, что через Кану проходила прямая дорога из Египта в Индию.

Для защиты города на вершине горы Аль-Гураб была воздвигнута крепость. Остатки ее сохранились и поныне. Жители Бир Али говорят, что построил эту крепость царь по имени ас-Самаамаа бен Дабьян. Удивительно, как могло дойти до нас это имя из глубины веков? Известно, что среди царей, правивших в Хадрамауте 2600 лет назад, были цари, носившие имена Самаа Дабьян бен Малкакяраб и Ядаа аль-Бейан бен Самаа Яфаа. Это очень похоже на то, что называют сейчас жители Бир Али. Очевидно, имя одного из них, немного искаженное эхом времен, долетело до наших дней.

Пострадало от времени и его творение. Если вы сегодня захотите попасть в крепость, вы найдете дорогу, ведущую к вершине горы. В некоторых местах еще сохранились каменные ступени. Однако значительная часть лестницы разрушилась, и поэтому подъем требует внимания и осторожности.

Добравшись до верха, можно увидеть на каменной стене химьяритские надписи. Четко и красиво высечены они в скале на краю обрыва. Надпись относится к тому времени, когда один из химьяритских царей, Зараа Зу Нувас, принял иудейскую веру и заставил население последовать его примеру. Он жестоко расправился с теми, кто отказался принять иудаизм, особенно с христианами Наджрана: приказал бросить их в ров, наполненный дровами, и сжечь живыми. (Этот эпизод нашел, возможно, отражение в суре Корана, называемой «Бурудж» — «Башни».)

Когда весть об этом дошла до византийского императора, тот обратился к эфиопскому царю с просьбой взять на себя защиту христиан Южной Аравии. Последний давно уже искал повода распространить свою власть на эту территорию. Поэтому, воспользовавшись случаем,

² Ясриб (или Ятриб впоследствии стал называться Мединат ап-Набий («город пророка»), или просто Медина.

он снарядил большую армию, поддержанную византийским флотом. С этими силами в 525 году эфиопам удалось завоевать химьяритское государство.

В следующем году, воспользовавшись выводом из Южной Аравии основных эфиопских сил, химьяриты поднялись на борьбу против поработителей. Борьбу населения восточных провинций возглавил Сам'яфаа Ашваа, провозгласивший себя царем. Хотя Кана уже имела в своей оборонительной системе крепость Хус аль-Гураб, новый царь заставил своих подданных реставрировать старые и построить новые укрепления, возвести стены и выкопать резервуары для сбора дождевой воды. Однако даже эти меры позволили жителям Хадрамаута продержаться всего семнадцать лет.

О последних попытках химьяритских племен Хадрамаута противостоять нашествию завоевателей рассказывает надпись на скале у Хус аль-Гураба. В ней говорится, что «один из вождей племен, Сам'яфаа Ашваа, и его сыновья Шархабаиль Якмаль и Маид Кярат Яафар³ возглавили сопротивление нашествию эфиопов, которые захватили землю химьяритов, убили царя химьяритов и вождей племен бени аль-амар и бени архаб. Они начали строительство укреплений и восстановление крепости Хус аль-Гураб для защиты города от захватчиков». Надпись датирована 640 годом химьяритского летоисчисления, что приблизительно соответствует 525—526 годам⁴. Как известно, именно в этом году эфиопы и захватили Йемен.

Об одном из эпизодов борьбы химьяритского народа, не желавшего смириться с чужеземной оккупацией, рассказывает надпись на мраморной плите, найденной при раскопках в районе Мариба. В тексте, высеченном на химьяритском языке по приказу эфиопского военачальника Абрахи аль-Ашрама, говорится, что во владениях киндийского вождя Йазид бин Кабшата в Западном Хадрамауте вспыхнуло восстание. Абраха собрал войско из эфиопов и химьяритов и направил его на подавление

³ Шархабаиль Якмаль (вернее, Шарахби'ил Йакмул) и Маид Кярат Яафар (вернее, Ма'дикариб Йа'фур) — исторические лица, активные участники борьбы за власть в химьяритском государстве.

⁴ Летосчисление у химьяритов начиналось с 115 г. до н. э.— года возникновения химьяритского государства.

восстания. Однако поход оказался неудачным — эфиопские войска были разбиты, а к повстанцам присоединились подвластные царю Сам'яфаа Ашваа вожди химьяритских племен бени мусид, бени тамара, зу хиляль, зу йазан и другие. Тогда Абраха собрал новое войско и решил сам возглавить его. Когда он достиг Набата, населенного пункта, расположенного к северо-западу от Мариба, Йазид бин Кабшат и его химьяритские союзники капитулировали и выразили покорность эфиопам.

Упомянутая надпись датирована месяцем «зу маин» 658 года химьяритского летосчисления.

Если смотреть со стен крепости Хус аль-Гураб на северные склоны горы, там сквозь песок проглядывают очертания старого порта, видны остатки зданий, видны следы улиц, кварталов, хотя мелкий белый песок уже почти занес их. Когда-то склоны горы были застроены зданиями, сторожевыми башнями, сборниками для воды. Крепость была соединена с портом узким укрепленным проходом, выложенным из камня. Он имел множество поворотов, узких настолько, чтобы пройти одному человеку. В начале прохода находились ворота и сторожевая башня.

К сожалению, нам не удалось более подробно познакомиться с этими редкими памятниками глубокой старины: наши специалисты торопились и не хотели отвлекаться от выполнения своих основных заданий. Нас ожидали загадки Шибама...

ЛАБИРИНТЫ ШИБАМА

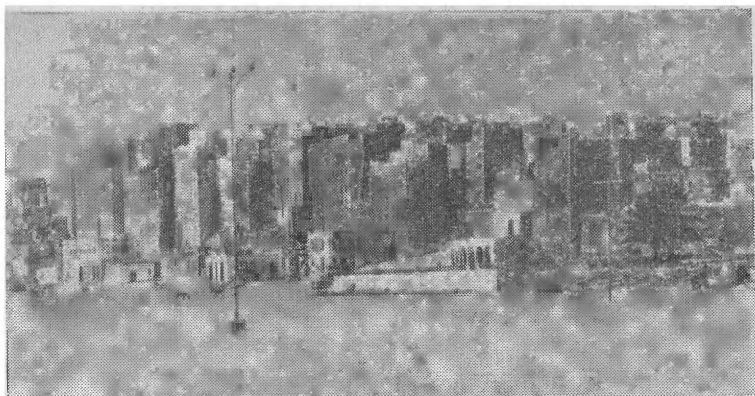
Струи песка, гонимые сильным ветром, быстро занесли накатанную дорогу. Наконец колея совсем кончилась и автомобиль помчался прямо по песчаной равнине. Мелкий песок, словно вода, веером разлетался из-под колес, но машина, почти не снижая скорости, несла нас вперед, ловко объезжая зыбкие барханы.

Медленно и утомительно тянулось время. Удушливый зной, пыль, равномерное гудение мотора. А за окном все та же протянувшаяся на десятки миль желтая раскаленная пустыня, с торчащими из песка черными скалами. Казалось, ничто не могло нарушить этого однообразия.

Неожиданно с вершины одной из песчаных гряд перед нами открылось поистине фантастическое зрелище. Будто прямо из песка посреди пустыни вырос удивительный восточный город с многоэтажными зданиями.

Шибам действительно необыкновенный город. В отличие от других арабских городов он растет не вширь, а ввысь. Издали он напоминает выросшую из песка гигантскую квадратную глыбу, состоящую из сотен почти сросшихся между собой, устремленных к голубому небу домов с щелевидными окнами.

Многие здания имеют по восемь-десять этажей. И хотя эти йеменские небоскребы значительно уступают по своим размерам гигантам Нью-Йорка и построены не из стекла и бетона, а из необожженного кирпича, тем не менее здесь, в аравийской пустыне, они производят внушительное впечатление. Не говоря уже о том, что Шибам существовал за многие сотни лет до того, как возник Нью-Йорк.

Как мираж возникает город небоскребов — Шибам

Шибам огорожен стеной, но зато весь наружный ряд домов имеет как бы один общий массивный фасад, представляющий непреодолимую преграду для каждого, кто попытался бы силой проникнуть в город. Окна первых домов начинаются лишь на уровне третьего этажа. Для въезда в город имеется несколько ворот.

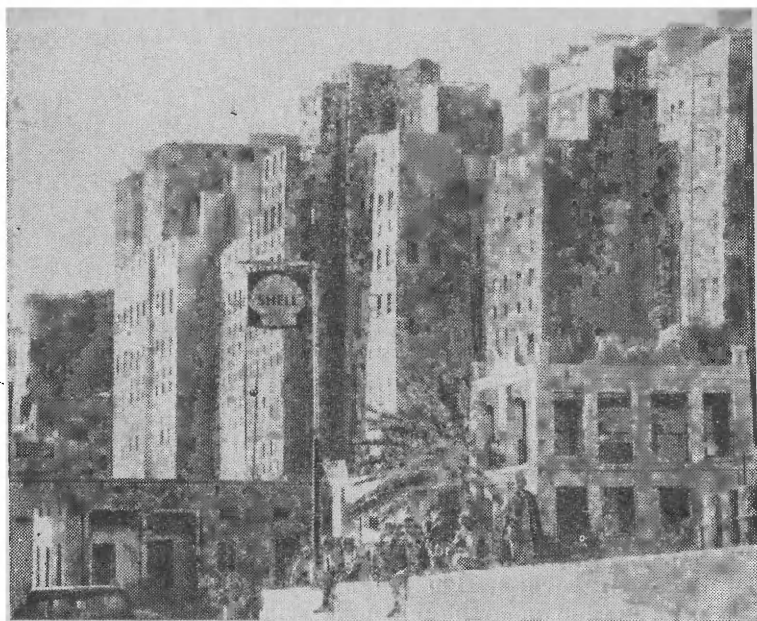
Въехав, мы уже через несколько метров вынуждены были остановиться и продолжать путь пешком. Улицы Шибамы настолько узки, что не только машина, но даже повозка, запряженная ослом, не может по ним проехать. Нам пришлось ходить по городу лишь гуськом. Встречным с трудом удается разминуться. Мы чувствовали себя так, словно оказались на дне глубочайшего ущелья, куда солнце заглядывает всего лишь на несколько минут, когда проходит через зенит.

Пыльные улицы днем безлюдны. Лишь в открытых харчевнях на грубых деревянных стульях степенно сидит несколько стариков. Они не спеша потягивают крепкий чай из маленьких чашек или лениво сосут мундштук кальяна.

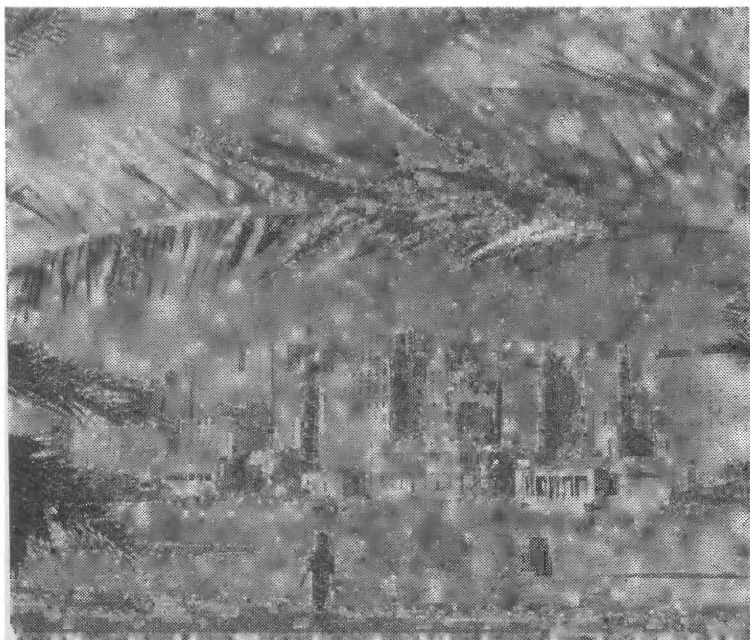
В лабиринтах Шибамы не растет ни одного деревца, ни одного кустика. В сплетении узких, пересекающихся и неожиданно поворачивающихся улиц и переулков легко заблудиться. Поэтому, добравшись до первой же небольшой, заваленной мусором площади, мы решили вернуть-

ся. К тому же нас повсюду преследовал какой-то неприятный запах. Казалось, земля под ногами и стены испускали это зловоние. Да, впрочем, так оно и было на самом деле. Разгадка оказалась несложной. Еще в начале пути мы обратили внимание на торчащие из стен над нашими головами какие-то желоба и трубы. Как оказалось, это были стоки нечистот. Система канализации сохранилась здесь в своем первоначальном виде с древних времен. Мы решили не испытывать судьбу и поскорее вернуться к машине.

Откуда-то из глубины глиняного чрева города донесся протяжный призыв муэдзина, приглашающего мусульман на молитву. За одним из поворотов мы увидели мечеть. Она совершенно терялась среди окружавших ее громадных зданий. Очевидно, она была воздвигнута очень давно, когда город еще только начинал строиться,

Новые вывески перед старыми «небоскребами»

Шибам. Издалека кажется, что в этом городе нет улиц

и в то время, вероятно, считалась довольно внушительным сооружением. Но теперь она казалась карликом среди столпившихся вокруг нее многоэтажных гигантов.

ТРИСТА МЕЧЕТЕЙ

Что касается мечетей, то на эти обязательные атрибуты мусульманского Востока нам довелось вдоволь налюбоваться в другом городе, который мы посетили в долине Хадрамаута, — Тариме, городе трехсот мечетей, как его называют местные жители.

Тарим расположен в семнадцати милях от Сейуна. Дорога туда малоинтересна. Однако во время непродолжительного пути нам пришлось пережить одно не очень приятное происшествие.

В стороне от дороги в дрожащем мареве возникли несколько вращавшихся с огромной скоростью пыльных столбов. Песчаные смерчи — частое явление в этих местах — блуждали по пустыне. Крутясь и извиваясь, смерчи, словно гигантские змеи, казалось, отплясывали какой-то фантастический танец, то как бы гоняясь друг за другом, то разбегаясь в разные стороны.

Но вот один из этих пыльных столбов, бешено вращаясь и набирая скорость, двинулся в нашу сторону. Он легко настиг нашу машину и некоторое время двигался параллельно с нами. Затем, будто направляемый кем-то, неожиданно устремился наперерез машине. Столкновение казалось неминуемым. Но в последний момент шофер успел затормозить, и смерч стремительно пронесся у нас перед самым носом. Машину сильно потряхнуло, жаркое облако колючей пыли ворвалось

Глинобитные дома-крепости в районе Бейхан

внутри и окутало нас, забивая легкие. Когда пыль улеглась и мы, протерев глаза, выглянули наружу, смерч уже исчез. Лишь где-то вдалеке, возле горизонта колыхалось пыльное облако.

Тарим примостился у подножья гигантской гряды столовых гор. Наши друзья в Сейуне не зря советовали нам посетить его. Город действительно заслуживал этого. Здесь нет «небоскребов», дома не превышают четырех-пяти этажей, однако среди многих сотен построек вы не найдете двух одинаковых зданий. Каждый дом в Тариме являет собой прекрасный образец древнего архитектурного искусства Арабского Востока. Выкрашенные в яркие цвета, украшенные восточными орнаментами, окруженные пышной зеленью тропических растений, дома производят сказочное впечатление.

Но, конечно, самыми замечательными сооружениями в Тариме являются мечети. Официальная статистика утверждает, что в городе их числится 365. Возможно, эта цифра соответствует действительности: мечетей мы увидели здесь множество. Во всяком случае считать мы их не стали, просто любовались этими великолепными памятниками зодчества. Особенно красивы минареты, гордо возвышающиеся над окружающими зданиями.

Минареты в Тариме самые разнообразные: круглые, квадратные, многогранные, ступенчатые и ровные, секционные и цельные, с украшениями и без них, с окнами и глухие. Многие отделаны цветной плиткой или мозаикой, украшены разноцветным орнаментом. Одни заканчиваются круглым куполом, другие остроконечным или коническим. Все они, без исключения, несут на шпиль сверкающий на солнце мусульманский полумесяц. Диссонансом в этом царстве древней культуры казался громкоговоритель, укрепленный в окне на балконе минарета. Это уже дань времени и техническому прогрессу. Теперь муэдзинам нет необходимости по нескольку раз в день взбираться и спускаться по крутым спиральным лестницам минарета, чтобы прокричать призыв мусульманам на молитву. Им достаточно нажать кнопку и воспроизвести записанный на магнитофонную пленку свой голос.

Пыльная немощеная улица, огражденная с обеих сторон высокими массивными глиняными заборами, вела нас в глубь города. За заборами скрывались утопавшие

в зелени пальм и плодовых деревьев дворцы и виллы членов султанской семьи, родовой знати и крупных купцов. Сейчас многие из них пустыют.

В глубине парка, полускрытый зеленой листвой, виднеется дворец с колоннами, парадным подъездом и белыми мраморными ступенями. В стороне под густыми кронами манговых деревьев расположен большой бассейн для плавания, выложенный мраморными плитами. Слышится журчание фонтана.

Проехав еще несколько кварталов, мы останавливаемся перед роскошным султанским дворцом. У ворот в тени высокой каменной стены сидят рослые парни в выгоревших защитного цвета куртках и традиционных футках, вооруженные винтовками и автоматами. В проеме ворот виден накрытый чехлом пулемет. Бойцы добровольных вооруженных дружин оказывают помощь Национальному фронту и революционному правительству в борьбе с реакцией. В помещении султанского дворца теперь размещается районный комитет Национального фронта.

В Тариме, так же как и в других городах Южного Йемена, нам нужно было нанести визит вежливости местным властям. О нашем прибытии здесь уже знали. Один из бойцов охраны с нашивками сержанта подошел к машине, вежливо поздоровался с каждым и, перекинувшись несколькими словами с нашим сопровождающим, пригласил нас следовать за ним.

Мы вышли из автомобиля, пересекли обширный, пустынный внутренний двор, в одном углу которого стояли два открытых «лендропера» (на каждой машине был укреплен станковый пулемет), и подошли к крыльцу основного здания дворца. Это было массивное сооружение, высотой в шесть этажей, с балконами и крытыми галереями. У подъезда стояла вооруженная охрана.

Сержант провел нас на второй этаж, где в большом зале прямо на полу сидели, поджав под себя ноги и ожидая своей очереди, посетители. В углу зала возле двери в кабинет председателя местного комитета Национального фронта были сложены кинжалы всевозможных форм и размеров, к стене были прислонены несколько винтовок и автоматов. Сержант объяснил, что посетителям не разрешается входить с оружием к руководящим работникам.

Такой порядок мы наблюдали и в других районах Южного Йемена (но не везде). Нет сомнения, что подобные меры предосторожности имеют достаточно оснований. В стране осталось еще немало сторонников изгнанных из республики султанов, которые не хотят сдавать позиций. Используя свое прежнее влияние, старые традиции и родовые связи, они стремятся привлечь на свою сторону невежественных людей, разжигают межплеменную и религиозную вражду, прибегают к провокациям, подкупают вождей бедуинских племен, подстрекательству к террору против руководителей молодой республики. В то время, когда мы находились в Южном Йемене, местной реакции при содействии внешних враждебных республике сил удалось организовать контрреволюционный мятеж некоторых племен на севере второй и четвертой провинций. Правительство республики смогло ликвидировать мятеж, однако он был не последним. Возникновению подобных конфликтов и провокаций способствовало еще и то обстоятельство, что в Южном Йемене до последнего времени сохранялась свободная продажа оружия. В сельской лавчонке можно было приобрести пистолет, винтовку или автомат и любое количество боеприпасов.

ВЛАСТЬ ЮНЫХ

Город Дхала находится где-то в горах, на краю свега, хотя до него от Адена всего 140 километров. Он кажется далеким оттого, что мало похож на города и поселки на побережье и в пустыне, и прежде чем мы доберемся до него, сменится ландшафт, умерится жара и недолгая память забудет о ней, а тело воспримет температурное послабление как должное и удовлетворится.

Сначала будет шоссе сквозь пустыню, по которому, как в Подмоскowie в феврале, мотаются хвосты, но там хвосты снежные, а здесь песчаные. Пустыня с готовностью замывает любые следы, а при случае и тех, кто их оставил. В самые жаркие часы в этих местах возникает мираж, чаще всего традиционный, но не всякое видение следует считать миражем: всадники на горизонте в дрожащем воздухе нередко оказывались именно теми, кого следовало опасаться, реальными врагами — соседями.

В нескольких километрах от Адена рядом с асфальтированным шоссе виднеется другая примета нашего века: насосы и сплетения труб — начало аденского водопровода. Воздух вокруг машины летит назад, бьет в высунутую наружу ладонь, стремится устранить препятствие. До Лахеджа никаких перемен в обстановке не будет.

Лахедж начинается с приземистых, чуть темнее земли хижин, постепенно поднимается на этаж, на два и достигает трех-, четырехэтажной высоты в центре, где стоят дворцы султана и его родственников — теперь правительственные учреждения. Вдоль стержневой улицы, которая выросла из шоссе и вновь превращается в него за чер-

Лахедж. Боец народной милиции у Дворца павших героев
(так после 1967 года стал называться султанский дворец)

той города, расставлены лотки, над ними кричат продавцы. Войдя в город с навьюченными ослиами, погонщики тоже начинают кричать, не могут устоять перед соблазном и шоферы — они гудят и одновременно что-то выкрикивают, высунув головы из машин, стараясь заглушить голосом автомобильные сигналы, и прохожего подмывает крикнуть — что угодно, что придет на ум. Удержаться нелегко.

В Лахедже происходили многие драматические события, часто связанные с султанским дворцом. Во дворце отдавали приказы убивать, в нем же убивали его владельцев, отдававших эти приказы. Порою обстоятельства так переплетались, совпадали и сталкивались, что султану оставалось только бежать из дворца или ему запрещали туда вернуться. Так было с Али Абд аль-Керимом, отказавшимся включить свой султанат в Федерацию Южной Аравии. Правда, его пресмник султан Фадл вступил в Федерацию, но в 1967 году и ему пришлось расстаться с дворцом.

Последний султан Лахеджа Фадл бин Али отличался многими качествами от своих предшественников во дворце и коллег-современников, правивших в других городах. Он был сдержан, скромно элегантен и настолько воспитан, что состоявшие при нем английские политические советники называли его «итонцем». Другие султаны были старомоднее, хотя и далеко не просты. Некоторым, правда, маска «простака» казалась особенно удачной в общении с английскими властями. Последний губернатор Адена сэр Чарлз Джонстон вспоминает в книге «Взгляд из Стимер-Пойнта», как один из султанов встретил его в своей столице с удочками и ведерками в руках, будто бы приготовившись идти на рыбалку. Самым простодушным, по свидетельству того же Джонстона, был султан Исса, правитель острова Сокотра. Он был в восторге от полета на вертолете и посещения английского военного корабля. И хотя босоногому султану, его придворному палачу и свите пришлось чуть ли не плясать на раскаленной палубе корабля, все были очень довольны, и султан согласился на многие предложения губернатора.

В 1967 году все назревавшее созрело: султаны, эмиры и многие шейхи снялись с мест почти одновременно, их «лендроверы», точно такие, как наш, помчались по

пустыне в Саудовскую Аравию, таща за собою невысокие извивавшиеся смерчи.

За Лахеджем, чуть в стороне от дороги, вот уже более двух лет находится без призора загородное имение богатого султанского родственника. В доме никто не живет, да и мудрено в нем жить — нет ни окон, ни дверей, на полу груды невесть откуда нанесенного хлама.

Босой, высушенный солнцем и скудным существованием человек долго водит нас по неухоженному, но еще не погибшему саду, пытается найти спелые бананы или какие-нибудь другие фрукты. Мы вереницей идем за ним по пуховой пыли, перепрыгиваем через пересохшие арыки, устраиваем небольшие дымовые завесы и ныряем в них по очереди. Единственный страж поместья временами оглядывается назад, улыбается, извиняясь и вместе с тем обнадеживающе, и не стесняется заметной нехватки зубов. В пути меж запыленных кустов и деревьев мы невинно браконьерствуем — рвем зеленые плоды, похожие на сосновые шишки, но есть их невозможно. Наконец, так же гуськом выходим на дорогу. Смотритель ничего не нашел, но идет по-прежнему впереди, его ветхая рубашка и фута неопределенного цвета посерели. У машины мы прощаемся. Каждый пожимает его деревянные пальцы, благодарит, и он улыбается удовлетворенно, как человек, выполнивший свой долг.

Снова едем по пустыне, но, видимо, местность малопомалу поднимается, потому что дышать стало легче. Незаметно, как-то исподволь, начинается горный район. Шоссе доживает последние километры. По обе стороны взгляд упирается в холмы и скалы, которые то приближаются, то снова шарахаются от нас. На скале слева хорошо видны развалины огромного глинобитного дворца, построенного, если верить нашему другу, коренному аденцу Мухаммеду, в XII веке. Сворачиваем в сторону, автомобиль переваливается с боку на бок на разъезженном проселке и выезжает к неглубокой речке. До дворца далеко, и дороги на том берегу нет. Остается только разглядывать его издали, пытаться представить этот дворец внутри: переходы из комнаты в комнату, неровные однотонные стены. Здание окончательно стало частью неживой природы, в сумерках его трудно различить с дороги и можно принять за скалу причудливой

формы. Речка, протекавшая когда-то у его стен, осталась такой же быстрой и мелкой, так же спешит пропасть в песках, каждое мгновение повторяя форму неподвижных вечных камней, которые составляют ее русло. Посреди потока в сотне метрах от нас происходит купание маленького танка, задравшего к небу куличий нос. Солдаты с натугой возьмется у него под брюхом, отмывают бока, их босые ноги мерзнут в холодной воде, и они время от времени выходят на берег погреться.

Мы продолжаем путь. Скалы теперь постоянно рядом. Масляной краской на них сделаны крупные надписи — цифры, английские имена. Несколько лет назад здесь не было тишины. Сотни вооруженных людей проезжали на тяжелых грузовиках и бронетранспортерах с пулеметами и безоткатными орудиями, занимали удобные позиции, причем так, чтобы они «командовали над местностью», раздавались автоматные и пулеметные очереди, из-под земли вырывались букеты взрывов, медленно растворялись и снова возникали. Повстанцы, не выдержав натиска регулярных английских частей, уходили по тайным тропам выше в горы. Здесь и сейчас можно найти немало отходов войны:

В конце концов шоссе иссякло. Под колесами щебень, а скалы поросли непобедимыми жесткими кустами, которых с каждым километром становится больше. Мы проглядели то место, откуда взялся на дороге ручей в обрамлении травы. После поездок по рыжей пустыне кажется глупым расточительством расплескивать чистую прохладную воду, мыть в ней шины, но отрадно сознавать, что в любой момент можно напиться; впрочем, в этих местах пить уже не хочется. Ручей и дорога надолго соединились, устроили небольшие прозрачные водохранилища, около которых приходится снижать скорость, опасаясь значительной глубины.

Начинается подъем. Дорога порою настолько вдвигается в горы, что пропасть хорошо видна далеко вниз. На полпути из-за поворота появляется человек и предостерегающе поднимает руку. Два слова водителю, мы прижимаемся к горе, а человек шагает дальше. Проходит несколько минут, и вслед за посланцем боязливо выползает до отказа набитый тюками грузовик. Дорожная спираль кончается, и тогда вдали возникает город Дхала.

Городом Дхалу можно назвать лишь условно, потому что дома не стоят привычно в ряд, и улицы, только начавшись, тут же кончаются. Дома разбрелись в одиночку или небольшими группами по склонам скал, демонстрируя упрямство и своеволие. Впрочем, такие дома, как в Дхале, это могут себе позволить. Каждое здание — в прямом смысле слова крепость. Друг к другу жмутся дома беззащитные, затейливо украшенные, с большими окнами, а крепостям присуще одиночество. Крепости просты и аскетичны, потому что одиночки, и назначение у них одно — выстоять в полном одиночестве. Если же крепости собраны вместе, то это определенное головотяпство.

Дома Дхалы сложены из тесаных камней без какого-либо связующего раствора, их основание шире верха, как у крепостных башен, а окна — фактически бойницы: взрослый человек не сможет просунуть голову ни в одно из них. Единственное украшение — белая окантовка окон. С каждого этажа наружу выведен желоб, что означает канализацию.

Здание, где обитают власти, резко отличается от традиционных построек: его строили англичане, тоже без затей, но по-европейски. У входа нас встречает Али — главный начальник города и всего района, хрупкий молодой человек в защитного цвета рубашке, в спортивных незашнурованных кедах, при очень большом пистолете в брезентовой кобуре. Он здоровается с нами и при этом иронически улыбается. Постепенно, за два дня общения, мы убеждаемся, что эта улыбка — естественное состояние его лица. Рука у него узкая и мягкая, он протягивает ее непринужденно и как бы нехотя. За спиной Али стоят его телохранители, моложе его самого, в таких же кедах, с автоматами, в клетчатых юбках, но не улыбаются, так как очень серьезно относятся к своим обязанностям. Появляется старый открытый «лендровер» — личный автомобиль руководителя, мы рассаживаемся в двух машинах, в кузовах один за другим прыгают юноши и даже мальчики с автоматами (это народная милиция), и все едем в гостиницу.

Гостиницу тоже построили англичане — здесь типично английские металлические оконные рамы, краны и

Команда «Вольно!». На занятиях строевой подготовкой
в отряде народной милиции

дверные ручки, и даже мебель, но водопровод и канализация пока не работают, поэтому воду нам приносят в ведре.

До ужина мы вместе с Али ездим между гор по городу и по маленьким деревушкам, которые не то самостоятельны, не то составляют какую-то часть Дхалы. Построены они также из камня, но дома значительно меньше и ниже. Теперь в наших машинах теснота, сопровождающих становится с каждой остановкой все больше. Главным образом это милиционеры; дула их автоматов, поставленных между ног, качаются и подпрыгивают у нас под носом, отчего на ум приходят неприятные мысли.

Мы проезжаем палаточный военный лагерь, едем по бывшему аэродрому, кругом пустые пространства, иног-

да небольшие возделанные участки и при них стерегущие дома-башни.

Наконец, мы добираемся до производственно-сбытового кооператива; это то главное, что решил показать Али, он им заметно гордится. На полях растут кукуруза, пшеница, а на опытном участке правления разводят даже лимоны, которым вообще-то в Дхале холодно. Большой толпой мы ходим по полям за членом правления; он, как все экскурсоводы-непрофессионалы, показывает каждый участок, каждый куст или дерево. Вместе с нами ходит восемнадцатилетний мэр Дхалы. Усы у него появились совсем недавно, и он еще не привык к ним — часто трогает пальцами, щупает языком. Временами мэр забывает, что он власть, и тогда забирается на камень и прыгает с него, делает большие, страшные глаза своему младшему брату, сутулому мальчику лет одиннадцати, и тот громко хохочет. Али коротко выговаривает мэру, заставляя его краснеть.

Брат мэра выполняет секретарские обязанности и всюду следует за своим патроном с пакетом под мышкой, уже довольно замусоленным, в котором помещается вся городская канцелярия. Секретарь Али взрослее, ему пятнадцать лет и он вполне серьезен. Он тоже носит с собой папку с документами и может достать любую бумагу по первому требованию своего начальника. Это та идеальная ситуация, при которой бюрократизмом и не пахнет.

После нелегких интервью с мелкими торговцами, которые, на всякий случай, боясь новых налогов, решили скрыть истинные размеры своей торговли, мы направляемся к султанскому замку. Несколько человек из тех, кто сидит вместе с нами в машинах, брали его штурмом. Командовал ими Али. Ветеранам уже перевалило за двадцать.

Замок — самое высокое здание, стоящее к тому же выше остальных домов. Это тоже крепость, на крыше белые зубцы, но в отличие от похожих строений он украшен выложенным камнями орнаментом на стенах, и двери у него резные. Узкая лестница ведет с этажа на этаж, перекрытия сделаны из толстых кривых бревен, тяжело нависающих над лестницей. В полутемных помещениях остались кое-какая нехитрая мебель и ковры.

Последний султан Дхалы был из небогатых и, как

говорят, очень ленив: он целыми днями лежал на ковре и жевал кнат — местное растение, обладающее слабыми наркотическими свойствами. Если листья кната жевать долго, то голову посещают приятные мысли, человек начинает казаться себе сильным и смелым, что тоже весьма приятно. Поэтому султан жевал кнат.

Однажды осенью 1967 года перестрелка за толстыми стенами нарушила его размышления. В это время Али и его бойцы, которые до того несколько лет скрывались в горах, начали штурм замка. Атаковать крепость на горе было нелегко: султанские охранники, укрывшись за мешками с песком и за зубцами на крыше, хорошо видели наступающих. Султан знал, что замок неприступен, и поэтому вначале не очень беспокоился и по инерции продолжал жевать. Первый раз Али пришлось отступить. Второй приступ он подготовил лучше: часть повстанцев отвлекла огонь охраны на себя, а в это время другие незаметно подтащили «базуку» — безоткатное орудие — и ударили по замку. Гром встревожил султана и его гвардию: после нескольких выстрелов из «базуки» все обитатели крепости бежали, бросив ковры и полдюжины мешков кната. Драгоценности были эвакуированы заранее.

С тех пор в замке никто не живет, если не считать трех часовых, которые постоянно дежурят на этажах. Сняв ботинки и положив перед собою винтовки, они мирно устроились на полу: дремлют или пьют чай.

До вечера мы переходили и переезжали с места на место, садились в машины, снова высаживались и угомонились только с наступлением темноты.

Мы спокойно сидим на балконе гостиницы и никуда больше не торопимся. Дома-крепости исчезли, слившись со скалами, а светящиеся бойницы кажутся пулевыми пробоинами в черном занавесе, за которым горит огонь. Али все с той же улыбкой рассказывает о делах в городе, что они делают, что собираются делать. Выясняется, что ему двадцать шесть лет.

— Почему у вас только молодые помощники?

— Среди взрослых почти нет грамотных, и политически они мало активны, — говорит Али.

Складываются новые отношения, и нужно время, чтобы люди к ним привыкли. Он и мэр назначены правительством, суд пока не оформился. Город невелик, рай-

он мало населен, нет промышленности, торговля развита слабо, поэтому канцелярское размножение в Дхале не началось. В том, как решаются городские дела, есть что-то от древнегреческих городов-государств.

Али прост, естествен, со своими помощниками разговаривает по-дружески, они с ним также. Поскольку многие из них совсем недавно были детьми, в их отношениях сохраняется элемент игры. Как видно, взрослые им не мешают, а тех, которые могли помешать, они прогнали три года назад. Но когда один из нас достает магнитофон и просит Али дать интервью, он, да и все вокруг, становятся иными. Улыбки исчезают, голос Али делается резким, слова высокопарными. Микрофон сковывает Али, лишает непосредственности, он перестает доверять своему уму, своей памяти. Интервью закончено, и Али снова иронически улыбается.

Ночью в горах начинает погромохивать, окна вспыхивают сиреневым светом и, наконец, далекие намеки превращаются в близкий тяжелый ливень. Вода захлестывает за подоконник, торопится всюду проникнуть, оросить, испортить, намочить без цели.

Внизу в небольшой комнате перед огромным кальяном сидят на полу юноши, которые ездили с нами днем по городу. Они спорят, еле выслушивая друг друга, говорят громко и искренне. Али среди них. Он молча сосет мундштук, потом передает его соседу и уверенно перебивает говорящего; сначала говорит серьезно, затем начинает улыбаться, в комнате смеются и снова ожесточенно спорят, на этот раз с Али.

Утром улицы и ущелья Дхалы забиты туманом. Холодный, сумрачный, совсем не аравийский рассвет. Ежась, с тоской в сердце, мы умываемся на улице ледяной водой и идем пить крепкий чай с молоком. В Аравии говорят, что это национальный йеменский чай, в Непале его называют типично непальским, а в Афганистане — афганским, так что истину еще предстоит установить.

Утром Али и его сподвижники выглядят бодрыми — незаметно, что они полночи просидели вокруг кальяна. Пока мы завтракали, они собрали в кабинете Али для последней обобщающей беседы почти всех торговцев города. Комната полна людьми. Если бы мы не знали, что идем на встречу с владельцами лавок, то, наверное, приняли бы их в лучшем случае за партизан, обсуж-

Строится дом

дающих предстоящую операцию. Только у трех стариков нет при себе винтовок или автоматов, однако у каждого за поясом кривой кинжал с рукояткой, отделанной золотом. Приглядевшись к ним, мы начинаем понимать, что эти люди точно так же не размышляют над вопросом — брать сегодня с собой автомат или нет, как и московские хозяйки не раздумывают, брать ли с собой сумку для продуктов.

Лавочники полны достоинства настоящих горцев. У них сухие лица без скул, тонкие крючковатые носы с большими ноздрями, черные курчавые волосы. Ни в Адене, ни в других городах и поселках побережья мы не встречали арабов, настолько хорошо сохранивших облик своих прародителей.

Такие собрания для «древних аравийцев», видимо, не новость — они часто бывают в этом кабинете и вместе с Али обсуждают дела города.

После разговора с торговцами мы совершаем послед-

ний обход темных, бедных лавок. Следом за ними идут милиционеры, к которым мы привыкли, и любопытные, которые привыкли к нам и уже не стесняются. Мальчишка пяти-шести лет выскакивает из дома и бросается наперерез толпе; его перехватывает милиционер. Он плачет, вырывается, требует, чтобы его допустили к нам, его оттирают, он ревет и снова прорывается. Ему нужен бакшиш. Значки и поглаживания по голове удовлетворить его не могут. Наконец он получает несколько монет, успокаивается и уходит. Он появляется снова, когда мы прощаемся с Али и его помощниками, собираясь уезжать. Мальчишка смотрит на нас равнодушно — он трезвый деловой человек и хорошо понимает, что соваться второй раз не следует.

За знакомым поворотом город-крепость становится воспоминанием.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
В кратере вулкана	15
Экспедиция на Перим	29
Из Мукаллы в Сейун	45
Погибшая цивилизация	58
Лабиринты Шибамы	68
Власть юных	76

*Евгений Александрович Глущенко
Герман Александрович Лебедев*

ЮЖНАЯ АРАВИЯ БЕЗ СУЛТАНОВ

Путевые заметки

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Ю. П. Блазоволina*
Художник *А. Т. Яковлев*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. М. Фридкина*
Корректор *Д. Я. Броун*

Сдано в набор 21/VI 1971 г. Подписано к печати 21/VII 1971 г. А-11231
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 2,75. Усл. п. л. 4,62. Уч.-изд. л. 4,36
Тираж 15 000 экз. Изд. № 2761. Заказ № 684. Цена 24 коп.

**Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2**

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

24 коп.